

Игорь

Ревва

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПАТРУЛЬ

Игорь Ревва

Полицейский патруль

«Издательские решения»

Ревва И.

Полицейский патруль / И. Ревва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960232-9

Лучше всего у цивилизации получается уничтожать себя. Рано или поздно, но такое всё равно случается. Может быть, это происходит потому, что любая цивилизация неуправляема? И за ней необходимо следить? Кто-нибудь, какой-нибудь полицейский или даже полицейский патруль... полицейский патруль человечества...

ISBN 978-5-44-960232-9

© Ревва И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава первая	8
ВЫХОДНОЙ	8
Глава вторая	22
ЮЖНАЯ ТРАССА	22
Глава третья	36
РЕЙД	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Полицейский патруль

Игорь Ревва

© Игорь Ревва, 2019

ISBN 978-5-4496-0232-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Роман выходил в твёрдой обложке в 2009 году под названием «Марсианский патруль». Для этой публикации я вернул ему прежнее название и немного отредактировал.

Приятного вам чтения!

Игорь Ревва

Пролог

Взрыв распорол обшивку корабля, смял переборки и намертво заклинил люк. Удар был нанесён по рубке управления так неожиданно, что никто не успел её покинуть: меньше чем через секунду после попадания пропало магнитное поле, сдерживавшее в теле торпеды стусток плазмы. И в рубку хлынул жар, от которого не могли уберечь даже скафандры высокой защиты. Обезглавленная «Слеза Неба» дёрнулась в предсмертной судороге и начала беспорядочно вращаться в пустоте. Огонь её батарей сделался хаотичным, торпеды красивым и стремительным веером рассыпались в пустоте, и свои же от них пострадали гораздо больше, чем противник. Второй выстрел пришёлся в область реактора – это уже не было вызвано необходимостью, просто «удар милосердия», после которого «Слеза Неба» перестала существовать.

Взрывом должно было уничтожить и корабль противника (единственный корабль Альянса, выступивший против флота Галактической Федерации) – слишком уж близко он находился к «Слезе Неба». Но этого почему-то не произошло.

Противник вдруг необъяснимым образом исчез со всех радаров – исчез на краткий миг, чтобы возникнуть совершенно в другой точке пространства, отстоящей от «Слезы Неба» более чем на две тысячи миль, прямо за кормой «Героя Дня». И залп его уничтожил ещё один корабль Федерации.

Никаким чудом нельзя было объяснить этот мгновенный скачок противника. Расстояние и время были такими, что он просто не мог разогнаться и уйти в подпространство. Тем более не мог он проделать этого в непосредственной близости от другого корабля. И всем стало понятно, что фантастические рассказы о новом типе боевого корабля – правда. Что битва возле Гиркатиса-III, где в течение минуты были уничтожены четыре крейсера Галактической Федерации, являлась всего лишь репетицией к настоящему бою. Что победа Федерации в Последней Войне, тянувшейся уже долгих три года, становится более чем иллюзорной. И вполне вероятно, что нынешний, три тысячи восемьсот двадцать седьмой год станет последним годом существования Галактической Федерации.

Ещё четыре корабля почти одновременно были уничтожены неуловимым противником. Узкий длинный корпус, словно бы в насмешку снабжённый ярко сверкающим в лучах звёзд покрытием, возникал из ниоткуда, наносил два-три быстрых и точных удара, а затем необъяснимо исчезал до того, как командиры флота успевали отреагировать. И поражение уже казалось неизбежным, каждому становилось ясно, что флоту Федерации пришёл конец. И люди уже прощались с жизнью.

Адмирал, находившийся на «Призраке Ночи», собирался отдать приказ об отступлении, но не успел. Следующий удар был нанесён именно по этому кораблю. А потом противник бесследно исчез.

Несколько минут все в страхе ожидали его появления, не веря в случившееся чудо, боясь надеяться на улыбку судьбы. Радары методично прощупывали пространство, но всё было тщетно – противник отсутствовал. Не было зафиксировано ни магнитных возмущений, сопровождающих обычно работу гипердвигателей, ни даже ионного следа реактора. Ни-че-го!

За несколько минут до очевидной и полной победы над флотом Галактической Федерации противник исчез. Пропал, как будто его никогда и не было...

Глава первая

ВЫХОДНОЙ

Майор Филипп Кэссиди в свои двадцать шесть лет уже крепко усвоил, что неприятности имеют свойство ходить табуном. Поэтому, когда ему на браслет почти одновременно пришло сразу два сообщения, он совершенно не удивился.

Первое сообщение (первое и по времени получения, и по приоритету) было от дежурного четвёртого полицейского участка Эйр-Йорка – по форме ноль-три-ноль – и предписывало Филиппу Кэссиди как командиру патрульного корабля собрать команду, явиться в участок для получения задания, затем отправиться на стартовую площадку и выйти на орбиту не позднее семидесяти минут после приёма данного сообщения. Вторым было сообщение от Изи, наглядно демонстрирующее то, что приказ, поступивший из четвёртого полицейского участка, можно похерить без малейшего зазрения совести по одной совершенно простой причине: отсутствие на месте подлежащей сбору команды.

Ещё из второго сообщения становилось понятно, что упомянутая команда, даже не подозревая о том, всё-таки выполняет приказ четвёртого полицейского участка. Но, как это преимущественно у данной команды и бывало, выполняет его через задницу. Другими словами, команда полицейского патрульного корабля номер ноль-пять, будучи уже фактически в сборе – Изя, Тур и Стрелка, не хватало лишь самого Кэссиди, – в данную минуту двигалась как раз в сторону отделения полиции. Немного портило впечатление то, что делала она это под конвоем, и отделение полиции, фигурировавшее в качестве места назначения, находилось не в Эйр-Йорке, а в Олд-Сити. Но в целом и общем приказ непосредственного начальства уже выполнялся, хотя и через задницу, конечно.

Кэссиди достаточно было нескольких секунд, чтобы принять решение, которое помешало бы окончательно уронить рейтинг команды. Он не спеша заварил себе крепкий кофе и уселся составлять объяснительную записку, где живописал все сложности и опасности полицейской службы, которые выпадают на долю неполной патрульной команды. Работа эта была несложной, поскольку за те полгода, что корабль «Отбой» ходил без врача, второго стрелка и второго пилота, майор Кэссиди подал уже не один такой рапорт. Так что основные аргументы слёзных жалоб были ему известны наизусть. Порой Кэссиди и сам начинал верить в то, что будь их команда полностью укомплектована, с работой они справлялись бы лучше. Во всяком случае, убеждать в этом окружающих у него пока ещё получалось. Через десять минут объяснительная была составлена и отправлена, а сам Филипп Кэссиди собрался, надел маску, очки, вышел из квартиры и отправился вызволять свой экипаж из лап нижников.

Кэссиди жил в одном из немногочисленных строений, сохранившихся ещё с двести пятидесятого года – с момента основания города, когда количество этажей ценилось даже выше удобства проживания, будто самым главным для человека являлось взирать на своих сограждан сверху вниз. Пяти- и шестиэтажные уродцы той поры ещё можно было отыскать и в Олд-Сити, и Эйр-Йорке (Нью-Рим был избавлен от них с самого начала, хотя богемная архитектура города считалась изысканной далеко не всеми). Но если в Олд-Сити подобные небоскрёбы располагались именно там, где им и подобает находиться (в районе трущоб, на свалках близ заводских цехов и так далее), то в Эйр-Йорке они тусклым бельмом маячили на глазу города, громоздясь в самом его центре. Возможно потому, что тут отсутствовали заводы и не существовало даже малейшего шанса, что кто-нибудь додумается превратить эти дома в складские помещения. Три шестиэтажных здания, пять пятиэтажных и два четырёхэтажных, с которыми ещё можно было как-то смириться, – оба они были почти нормальной высоты, да и распола-

гались далеко на окраине города. На фоне одно- и двухэтажных приземистых строений, напоминающих формой своей усечённые пирамиды, эти громадины с неестественными прямыми углами и широкими окнами действительно смотрелись нелепо и уродливо. Одно только ощущение раскачивающегося под порывами ветра здания способно было вызвать невроз практически у любого человека. А если принять во внимание количество песка и пыли, умудрявшееся проникать на лестничные площадки (хорошо ещё, что хоть сами квартиры были избавлены от подобного «удовольствия»), желание жить здесь таяло стремительно.

Одно из таких вот зданий – шестиэтажка на проспекте Норттона, возле самой площади, – принадлежало полицейскому управлению, которое не придумало ничего лучше, чем селить здесь либо тех своих сотрудников, которым приходилось редко бывать дома, либо тех, для кого подобные мелочи были несущественны. Офицер четвёртого полицейского участка Эйр-Йорка майор Филипп Кэссиди очень удачно подходил сразу под обе эти категории. Кроме него (и, может быть, ещё Тима Роккуэла, тоже майора, командира экипажа пятнадцать), никто из астронавтов не согласился бы жить в подобном месте, но Кэссиди было в высшей степени наплевать на это, для него настоящим домом был корабль. Остальные астронавты жили в очень даже хороших квартирах, в намного более лучших, чем сотрудники планетарной полиции. Однако Кэссиди не придавал значения убогости места своего обитания на планете, иногда он даже находил в нём какие-то прелести. Вот и сейчас, торопливо простучав каблуками по ступенькам лестницы, Кэссиди даже немного порадовался, что выход из дома так затянулся, – Фил за это время успел позаботиться о транспорте.

Командиру патрульного корабля по штату полагался автомобиль. Однако воспользоваться им сегодня у Кэссиди возможности не было. В результате вчерашнего пари с полковником Маркусом (командиром патрульного корабля ноль-два) машины обоих спорщиков пребывали в состоянии, как выразился сам Маркус, «изрядной пожёванности». И надежда забрать из ремонта свой транспорт раньше, чем через пять дней, отсутствовала полностью.

Кроме пары штатных двухместных автомобилей пострадали так же сам полковник Маркус и гравитационный пояс майора Кэссиди. Полковник Маркус в данный момент находился в госпитале, а пояс – на майоре Кэссиди. Но если поведение Маркуса наверняка можно было считать смирным, то гравитационный пояс вёл себя просто возмутительно. Ещё вчера Кэссиди почувствовал необычную лёгкость в теле, которую объяснил чрезмерным количеством принятого внутрь спиртного и нервной встряской после аварии. Утром же он убедился, что заставить пояс обеспечивать необходимые и привычные условия просто невозможно. Эта проклятая штукавина готова была угостить майора либо тройной силой тяжести, либо половинной. Огорчённый похмельем желудок на оба этих предложения возражал столь же категорически, сколь категорически отказывался нормально работать сам гравитационный пояс. И вторую (более или менее свободную от похмелья) половину выходного дня Филипп Кэссиди убил на то, чтобы уговорить технику ограничиться хотя бы полуторной силой тяжести. Но больше всего, конечно, огорчало отсутствие автомобиля. Неизвестно ещё, кто окажется в патруле, выходящем на междугородную трассу...

Майор Кэссиди посмотрел на браслет – очередной патруль готовился выступить на Западную трассу через десять минут. Кэссиди связался с управлением и выяснил, что этот патруль – из нижников. Это было плохо, но астронавты должны были заступить на дежурство только через полтора часа. А если прибавить ещё и дорогу – пятьдесят шесть миль в одну сторону, да столько же обратно, и неизвестно как долго проторчишь в участке – то до утра вернуться в Эйр-Йорк оказывалось просто нереально.

Кэссиди похмурился, повздыхал, вспомнил, что он как-никак майор полиции, связался-таки с начальником патруля и попросил захватить его. Начальник патруля – им оказался лейтенант Хартон, не самый худший вариант, как определил его майор Кэссиди – согласился подвезти до Олд-Сити, но тут же участливо поинтересовался самочувствием полковника Мар-

куса. Воспринимать это как намёк Кэссиди не стал – у него сейчас других забот хватало. Кроме того, только во время разговора с лейтенантом Хартоном Кэссиди понял, что у кислородной маски отсутствует разъём: попытавшись подключить браслет майор с неприятным изумлением обнаружил на месте разъёма лишь сиротливо торчащие проводки. Где и когда он его оборвал – Кэссиди не помнил. Но для беседы с лейтенантом маску пришлось снять. Холодный воздух и семнадцать процентов кислорода явившиеся причиной широкого (насколько позволяли челюсти) зевка, мгновенно напомнили желудку Кэссиди о вчерашнем веселье. И даже возвращённая на место маска не помогла о нём забыть.

Патрульный вездеход появился ровно через двенадцать минут, и Кэссиди ещё не успел как следует промёрзнуть. Огромная бронированная машина, раскрашенная в маскировочные красно-серые цвета, вывернула из-за угла, глухо взревела, проехала по улице, не сбавляя хода миновала Кэссиди и остановилась только ярдах в двухстах от него. Двигатель продолжал тяжело рокотать на холостых оборотах, но сам вездеход стоял как вкопанный. Это было если и не оскорбительно, то по крайней мере невежливо. Да, лейтенант Хартон нарушает устав, беря на борт патрульной машины фактически постороннего человека; да, летунов нижники не любят и чувство это взаимно; да, без слов понятно, что долбанная команда долбанного «Отбоя» опять что-то натворила – иначе к чему бы долбанному майору Кэссиди так срочно понадобилось в этот долбаный Олд-Сити; да, Кэссиди очень спешит и он мог бы пошевелить своей майорской задницей, а не торчать тут на улице и не делать при этом вид, будто патруль существует исключительно для его нужд; но – чёрт побери! Он же всё-таки майор!..

Кэссиди, заложив руки за спину, внимательно разглядывал броню вездехода и лениво думал, сдадут ли они назад.

Долго разглядывал и долго думал. Минуты полторы.

Не сдали.

У лейтенанта Хартона оказались железные нервы.

Вместо этого водитель нетерпеливо посигналил и майор Кэссиди, скрипнув зубами, нарочито медленно двинулся к вездеходу.

Дверца при его приближении услужливо распахнулась, едва не сбив Кэссиди с ног, и майор увидел хмурое и недовольное лицо лейтенанта Хартона. Тот был без маски, и белёсые (какого-то нездорового бледного цвета) подбородок и нос пятном выделялись на смуглом от загара лице.

– Мы опаздываем, сэр, – проговорил Хартон.

Сказано это было без тени упрёка, лейтенант всего лишь констатировал факт. Мы всего лишь опаздываем, сэр, догадайтесь с одного раза, сэр, по чьей вине, сэр... Нижник хренов!..

Майор сухо кивнул, забрался в вездеход и уселся на заднее сиденье. Отвечать лейтенанту он не стал. Во-первых, легче поверить, что всем полицейским устроили зарплату невелики что лейтенант Хартон способен когда-нибудь куда-нибудь опоздать. Во-вторых, оказавшись уже в вездеходе майор понял, что Хартон выходит на патрулирование тоже не в полном составе – кроме него и сержанта-водителя в вездеходе никого не было, кресла двух стрелков пустовали и это вызвало у Кэссиди нечто вроде сочувствия. Ну и, в-третьих, очень надо было препираться с нижниками...

Сержант взялся за рычаги и вездеход тронулся с места. Майор знал этого сержанта, его родной брат служил на корабле «Сокол» в чине капитана. То ли врач, то ли стрелок – Кэссиди не помнил. Надо же, подумал Кэссиди. В одной семье и нижник, и астронавт... то есть, летун – как они говорят.

Система воздухообеспечения быстро нагнала кислорода и согрела воздух, и Кэссиди смог избавиться от маски и очков. В принципе, кислородная маска давно уже таковой не была, осталось лишь название. Настоящие кислородные маски сейчас имелись лишь у мертвяков, а остальные давно уже пользовались современными моделями, умеющими нагнетать неболь-

шой недостающий процент кислорода прямо из воздуха. Хотя и сам Кэссиди и многие другие частенько забывали включить этот режим – маска и очки в основном выполняли задачу по защите от пыли. И сейчас, в вездеходе, они были не нужны. Повесив их на подлокотник кресла, Кэссиди обежал взглядом кабину.

Говорят, что кабина машины является характеристикой её водителя. Если так, то сержант-водитель очень почтительно и даже с любовью относился к своему брату-летуну. Потому что всё свободное пространство на приборной доске и на стенах кабины было занято фотографиями капитана. Вот он возле амортизатора корабля; вот он с молодой улыбающейся женщиной (жена? нет, вряд ли...); вот он на фоне пустыни; вот... чёрт побери!

Кэссиди вздрогнул. Но одной из фотографий был он сам – несколько человек стояли плотной группой перед турникетом, ведущим на стартовую площадку. Кэссиди помнил, когда был сделан этот снимок, очень хорошо помнил – как раз перед тем вылетом, после которого его команда и стала неполной. Да, тут были и Краб, и Пружинка, и Кузнец... И двоих из экипажа «Сокола», не вернувшихся с задания, Кэссиди тоже вспомнил.

Майор нахмурился и, чтобы отогнать невесёлые мысли, уставился в окно. Он подумал, что этой поездкой обязан водителю больше, чем лейтенанту Хартону. Наверняка не обошлось без уговоров сержанта...

Вездеход миновал высокие столбы, раскрашенные яркими белыми и зелёными полосами. На одном из них висела табличка: «Вы покидаете Эйр-Йорк».

Вырулив на трассу, сержант (как и предписывалось уставом) занял полицейскую полосу и начал прибавлять скорость.

– Не гони, – холодно приказал лейтенант Хартон. – Положенная скорость двадцать миль в час.

– Это длинная, сэр, – в голосе сержанта угадывалась улыбка. – Здесь можно слегка прибавить, сэр.

«Сэр...», – усмехнулся про себя Кэссиди. – «Наедине или в кругу своих они наверняка на «ты» и по именам. А при посторонних...» Кэссиди посмотрел в окно и усмехнулся ещё раз, когда вспомнил, как сержант назвал Западную трассу «длинной» – жаргон нижников. Хотя она и правда была длиннее Восточной и Южной трасс – примерно на милю. И патрулю действительно не позволялось превышать скорость. Но тащиться по дороге больше двух часов никто и никогда даже не пытался. С другой стороны, можно разогнать вездеход и до семидесяти, но много ли увидит патруль несаясь на такой скорости по трассе? Нет, что там ни говори, а правила писали не самые глупые люди на планете.

Очевидно лейтенант Хартон полагался на здравомыслие водителя, способного найти золотую середину в выборе скорости. Поэтому он молча посмотрел на показания спидометра, где цифры уже подбирались к тридцати пяти, нахмурился и всё своё внимание сосредоточил на радаре. И Кэссиди вдруг подумал, что если бы не позавчерашние события, Хартон ни за что бы не взял его с собой. Несмотря даже на предполагаемые уговоры водителя. Что ни говори, но выходить в междугородный патруль вдвоём было не просто рискованно, а глупо.

– Как ребята? – майор кивнул в сторону пустующих кресел стрелков.

– Обошлось, – пробурчал лейтенант и, немного помедлив, добавил: – Сэр.

– Сильно их? – поинтересовался Кэссиди, стараясь не обращать внимания на тон лейтенанта.

– Не очень, – ответил Хартон. – Оба ранения лёгкие, оба в руку. Через несколько дней их выпишут.

Чувствовалось, что лейтенант уже почти готов к нормальному разговору. Всё-таки, и он и Кэссиди офицеры полиции.

– А обратно вы как же? Мне в Олд-Сити нужно будет задержаться, – предупредил Кэссиди.

– Ничего страшного, – успокоил его Хартон. – Обрато с нами поедут курсанты, четыре человека. Так что, если что, отобьёмся.

– А сколько их было? – спросил майор. – Ну, позавчерашних...

– Человек десять, – ответил лейтенант. – Четверых мы подстрелили.

Да, разговор действительно начинал походить на нормальную беседу двух офицеров.

– Странно, что десять, – покачал головой Кэссиди. – Обычно байкеры ходят крупными бандами, человек по тридцать. Видно, совсем у них дела плохи стали, раз они вдесятером решили потягаться с «Ташико-Морок».

– Они давно уже не ходят такими большими группами, – возразил Хартон. – Десять человек – это сейчас достаточно крупная банда. Но они сделались злее и наглее, мы почти час отстреливались.

– М-да... – неопределённо протянул Кэссиди.

И тут лейтенанта Хартона прорвало.

– Чёрт побери! – выругался он. – Они же нападали не на транспорт «Ташико-Морок»! Поблизости не было никаких чёртовых грузовиков! Никого вообще не было! Они поджидали нас! Именно нас – патруль!

Кэссиди промолчал. Лейтенант бросил на него быстрый взгляд, нахмурился и отвернулся.

– На дорогах сейчас гораздо опаснее, чем раньше, – задумчиво говорил лейтенант, изучая показания радара. – И гораздо опаснее, чем в космосе...

Начинается, подумал Кэссиди. Опять!

Конечно, на дорогах всегда было опаснее, чем в космосе. Особенно в нынешнем, две тысячи триста семидесятом году, когда байкеры и мертвяки уже большей частью повымирили и не собираются в банды, крупнее десяти человек. А что плохого может случиться в пространстве?! Ну, разгерметизация корабля; ну, взрыв реактора; ну, отказ радара или системы аварийной посадки – это же ерунда по сравнению со спущенным колесом на трассе... Спорить ещё с тобой, подумал Кэссиди.

Нормального разговора так и не получилось.

– Я вздремну немного, – сказал майор, глядя в потолок. – Если что – сразу будите.

– Разумеется, сэр, – усмехнулся лейтенант.

Действительно, что за чушь я несу, огорчённо подумал Кэссиди. Если что – разбудите! Если что – это что? Если нас подорвут байкеры? Или если мертвяки перегородят трассу поваленным столбом линии силовой защиты? Тогда можно не будить, сам проснусь...

Майор Кэссиди посмотрел в окно: за ним расстились красноватые пески, да проносились высокие столбы линии силовой защиты. Каждый столб был снабжён сигнальной лампой и напоминал гигантский светильник, непонятно каким образом оказавшийся в пустыне у скоростной междугородной трассы.

В окне слева мелькали дома, корпуса заводов и фабрик, высокие заборы. Космодромы находились в самой глубине Пригорода, поэтому кораблей отсюда видно не было. Но Филипп Кэссиди знал, что сейчас они проезжают мимо его корабля – пятая площадка находилась как раз где-то здесь, недалеко от трассы.

Кэссиди поиграл кнопками браслета и выставил таймер. Ехать предстояло часа два. Ну, пусть полтора, если принимать во внимание характер водителя и если не возникнет по пути непредвиденных задержек – тогда уже в Олд-Сити можно будет вообще не рассчитывать попасть до ночи. Но пока ещё Кэссиди надеялся на то, что ни подорванных столбов, ни аварий на трассе не будет. И что песчаная буря не вздумает проведать Золотой Треугольник вообще, и Западную трассу – в частности. А значит, можно немного вздремнуть.

Майор привалился плечом к мягкой стенке вездехода и закрыл глаза. Хороший, в сущности, парень, подумал он о лейтенанте Хартоне. Хотя и нижник. Ему ведь тоже не сладко.

Неужели не смогли его подменить? Или хотя бы дать ему парочку людей из другой команды. Ведь когда им приспичит, они и астронавтов в патруль пихают. Или, может быть, Хартон сам не стал отказываться? Может, ему деньги нужны? У него, кажется, двое детей... У нижников обычно большие семьи, не то что у нас... Да у нас часто и семей-то нет, подумал Кэссиди, погружаясь в сон.

* * *

Планетарные полицейские силы (на жаргоне астронавтов – «нижники») и силы космической полиции (на жаргоне нижников – «летуны») относились к одному ведомству, но взаимной любви это не способствовало. Летунов нигде особенно не любили, а то, что жили они все в Эйр-Йорке, делало эту неприязнь ещё более глубокой. Кроме того, летунам гораздо быстрее чем нижникам присваивали очередные звания: только новички первые два-три месяца ходили в лейтенантах, да разжалованные за совсем уж полное разгильдяйство. В основном же космическая полиция состояла из майоров и полковников. И начальнику полицейского участка (который редко когда мог оказаться капитаном) летуны всегда давали понять, что выговаривать и делать замечания, например, полковнику не стоит. Даже если полковник этот по должности своей находится у лейтенанта в подчинении.

Летуны получали более высокое жалование, чем нижники; у них были лучшие квартиры (а то и частные дома, у некоторых – точнее сказать, у пятерых ветеранов – даже в Пригороде); они пользовались льготами, многие из которых были недоступны другим; а в планетарный патруль выходили крайне редко. И всё, что происходило в Золотом Треугольнике и близь него, сваливалось в основном на плечи нижников. К летунам же обращались только в случае, если необходимо было срочно добраться куда-нибудь к чёрту на рога.

Например, в Долину Ареса: в очередной раз объяснять отказывающимся платить налоги фермерам, что Золотой Треугольник всё ещё существует на этой планете и помнить о нём надо не только в часы налёта байкеров и мертвяков.

Или в Долину Тиу: опять доказывать мертвякам, что именно нынешняя (а не сгинувшая в пламени Апокалипсиса) цивилизация является единственной реальной силой.

Или даже в Хаос Гидаспа: усмирять не в меру разбушевавшихся байкеров.

Рейды эти были не настолько безопасными, чтобы вызывать жгучее желание участвовать в них. Из Долины Тиу возвращалось, в лучшем случае, восемьдесят пять процентов полицейских сил. А из Хаоса Гидаспа и того меньше. Хорошо ещё, что за время службы Кэссиди олимпийцы стали вести себя спокойнее. Но старики рассказывали, что раньше и в их числе были экстремисты. Впрочем, и без олимпийцев работы у летунов хватало.

Жизнь на планете была невозможна без космической полиции. А идти туда работать соглашались немногие. Пять суток на орбите, десять на планете. Если, конечно, не погибнешь на орбите и если повезёт не получить ещё какое-нибудь задание – планетарный патруль, заблудившиеся геологи, защита от пиратов исследовательских лабораторий на Фобосе или завода на Деймосе. И фактически, если полицейскому астронавту выпадали два-три выходных дня после сорока-пятидесяти дней в космосе, можно считать, что ему повезло. А если уж ему удалось проработать больше пяти лет и не погибнуть – повезло сказочно. Если же летун назло теории вероятности ухитрялся дожить до пенсионного возраста, то его открыто уже называли счастливым. Таких «счастливых» на Марсе было всего пятеро и четверо из них пользовались инвалидными платформами. Пятый же в платформе не нуждался – находящемуся в состоянии комы она без особой надобности. Все пятеро ветеранов обитали в Пригороде, который по этой причине был мрачно окрещён летунами «Инвалидкой».

Согласиться на подобную жизнь мог только сумасшедший. А умных, смелых, исполнительных и физически выносливых сумасшедших во все времена было не так уж много. На их

сумасшедшие выходки в пространстве смотрели с горячим восхищением, но подобное же поведение на планете не менее горячо осуждали.

Да, они зачастую вели себя в космосе как полные психи. И именно поэтому были ценны. Потому что даже будучи такими они всё равно оставались лучшими.

Но они вели себя как психи и на планете. И поэтому их терпели с большим трудом.

Силы космической полиции насчитывали всего девятнадцать экипажей.

Сто шестьдесят человек, сто шестьдесят сумасшедших.

Элита полицейских сил Марса. Сумасшедшая, бешеная и с трудом управляемая элита. Люди, которые привыкли с брезгливым недоумением смотреть в глаза смерти.

Люди, которые вели себя как полные психи не только на планете, но и в космосе.

Поэтому их и терпели.

* * *

Восьмой полицейский участок Олд-Сити встретил майора Кэссиди недоброжелательно. Насупленные лица, хмурые взгляды и так далее. Просторное помещение (как и всякий участок), заставленное столами, шкафами и перегородками, было заполнено суетящимися и уставшими, а потому и злыми полицейскими. За стойкой, отгораживающей угол комнаты, находился самый, очевидно, злой и уставший дежурный лейтенант во всём Олд-Сити. Эмблемы сил космической полиции на рукаве Кэссиди подействовали на него, как красная тряпка на быка. Не соседствуй они с майорскими нашивками, Кэссиди вполне мог бы услышать парочку неприятных слов. Когда же дежурному стала известна основная причина визита Кэссиди, лейтенант стал напоминать уже не просто быка, а быка смертельно раненного.

Злорадно улыбаясь, он быстренько и ядовито начал перечислять Филиппу Кэссиди всё, что успели натворить его подчинённые. Примерно через полминуты Кэссиди уже не вполне понимал, что именно ему рассказывают – допущенные астронавтами нарушения или же описание зверств, которым подвергались захваченные байкерами в плен водители «Ташико-Морок». Закончив говорить, дежурный объявил, что в данный момент двое членов команды находятся в камере, поскольку держать тут подобных садистов и убийц просто невозможно.

Филипп вытер лоб платком и обратил внимание, что вокруг него стоят почти все полицейские, которые находились в комнате. Они ничего особенного не делали, просто стояли и смотрели. Молча. Но смотрели и молчали они весьма красноречиво.

Заметив на лицах некоторых полицейских синяки и ссадины, Филипп Кэссиди почему-то подумал, что и это тоже дело рук его астронавтов. И на душе у него стало совсем кисло. Единственной ложкой мёда в этой бочке дёгтя, не делавшей, по правде говоря, содержимое слаще, являлся радист Кэссиди. Остальных членов экипажа здесь действительно не наблюдалось.

Изя скромно стоял в стороне и ждал, пока Кэссиди его заметит. Встретившись же взглядом с командиром Изя мгновенно сделался радостным и улыбающимся и приветствовал его обычным лёгким поклоном.

– Добрый вечер, Филя-сан! А нас опять почему-то арестовали! – радостно сообщил он во весь голос.

В тишине, царившей в участке, отчётливо было слышно, как кто-то угрожающе засопел. Кэссиди угрюмо поглядел на Изю.

– Мы просто отдыхали, – улыбаясь продолжал Изя. – А потом к Стрелке-сан начал приставать кто-то из местных. И Тур-сан сломал ему руки. Обе. Случайно. Он больше не будет. Правда.

– Идиоты, – вздохнул Кэссиди.

– Так точно, Филя-сан! – радостно щёлкнул каблуками Изя, вытягиваясь во весь свой небольшой рост.

– Когда я могу их забрать? – спросил Кэссиди у дежурного.

– Хоть сейчас, – ответил тот. – Тех двоих скоро приведут. А пока зайдите в кабинет и подпишите бумаги.

Кэссиди, стараясь не смотреть по сторонам, прошёл сквозь молча расступившуюся толпу к указанной двери, толкнул её и оказался в небольшой комнатке, где за столом перед компьютером сидел изрядно помятый капитан. Кэссиди вновь представился и объяснил причину своего визита. Капитан молча кивнул. Лицо у него было недоброе, на левой скуле виднелся хорошо заметный синяк. Настроение у Кэссиди было такое, что сейчас он любую царапину готов был отнести к заслугам своих подчинённых. А тут ещё в комнате обнаружился проскользнувший в дверь Изя.

– Я уже связывался с четвёртым Эйр-Йоркским, – заявил капитан, тыча пальцем в клавиатуру компьютера. – Они предложили мне самому решать, сажать их на гауптвахту здесь или же отправлять в Эйр-Йорк.

Сволочь ты, Мигель Лучано, подумал Кэссиди. Власть свою показываешь. Понятно, понятно всё: не явились мы на вылет, не вышли на задание – виноваты, да. Но зачем отдавать команду на растерзание иногородним нижникам?!

Кэссиди тяжело вздохнул и поинтересовался:

– И что же вы решили, капитан?

– Что я решил? – капитан улыбнулся уголком губ. – Я понимаю, что у вас они не просидят на гауптвахте и минуты. Вы же всегда покрываете своих... сэр, – добавил капитан. – Но я так же понимаю, что у нас они просидят не дольше. Сажать в одну камеру ле... э-э-э... астронавтов и местных – это опасно.

Кэссиди показалось, что при слове «местные» Изя тихонько буркнул: «нижники».

– Согласен, – Кэссиди слегка кивнул капитану.

– Но если их сейчас отпустить, – продолжал капитан, – или передать вам – что одно и то же, – я не уверен, что завтра в Олд-Сити не появятся ещё какие-нибудь астронавты, уверенные в своей безнаказанности... сэр.

– Я опять с вами соглашусь, капитан, – вновь кивнул Кэссиди.

Капитан внимательно посмотрел на майора и тяжело вздохнул.

– Ладно, сэр, – сказал он. – Забирайте их. Только заполните бумаги, и забирайте. Нам здесь, в Олд-Сити, и без вашего хулиганья хватает работы...

* * *

Олд-Сити был самым древним городом на планете (если, конечно, не считать развалин старых городов, погибших в сто пятидесятом, во время Апокалипсиса). Но одновременно он был и самым молодым городом – к тому моменту, когда «Посланник Ада» уничтожил все более или менее крупные поселения, Олд-Сити едва отметил своё трёхлетие.

В то время это был небольшой рабочий посёлок, расположенный в пятнадцати милях северо-западнее Кратера Галилея. Севернее него обосновались металлургический комбинат и несколько небольших полуавтоматических заводов, дававшие населению города работу. Сами заводы были построены в сто сорок третьем, и примерно тогда же начали возводить и дома для рабочих.

Видимо, «Посланник Ада» счёл этот городок незначительным (в то время здесь жили от силы пять тысяч человек), и беда обошла Олд-Сити стороной. Когда же прошёл шок от случившегося и стало понятно, что можно пытаться жить дальше, многие кинулись в единственный уцелевший город.

В сто пятьдесят первом только здесь и можно было раздобыть, к примеру, новый транспорт или самое необходимое для жизни. Заводские склады не пустовали, но единственное,

чего там не было: еды. А хлынувших сюда было не так уж и мало – бродившие в песках и горах геологи, растерянные и насмерть перепуганные фермеры из Долины Ареса, экипажи находившихся во время Апокалипсиса на орбите сорока кораблей, пассажиры четырёх транспортов, летевшие в тот момент к Марсу с Земли и Венеры. И все они хотели жить.

Заводы заработали на всю катушку и к существующим уже мгновенно начали строиться ещё пять. Людям нужны были транспорт, оборудование для буровых и ферм, оружие, одежда, обувь.

Жители Олд-Сити почувствовали себя хозяевами планеты. И основными их требованиями были: еда и реакторное топливо для транспорта, плавильных печей и заводских цехов.

Многие, из явившихся в город, осели тут; другие со временем ушли – вернулись на фермы или в мёртвые города. А население Олд-Сити – невольной марсианской столицы – принялось богатеть. Правда, не всё поголовно.

Кто-то торговал с фермерами, мертвяками и байкерами, кто-то обеспечивал поставки топлива и продуктов, кто-то владел заводом или цехом. А кто-то продолжал на этих заводах и цехах трудиться. Если, конечно, ему повезло сохранить работу.

Заводские мощности способны были многократно обеспечить всем необходимым оставшееся в живых население. Но кому нужен кризис перепроизводства?! А значит, необходимо до поры до времени сократить рабочие места.

В Олд-Сити началось строительство – новые дома, рестораны, бары и казино, которых этот рабочий посёлок никогда и в глаза не видел. И состоятельные люди покидали казавшиеся им теперь убогими жилища. Город легко мог вместить всех желающих, и такого понятия, как жилищный кризис тут никогда не существовало. Но запретить владельцу оружейного цеха построить себе новый, более удобный и современный дом никто не мог, да и не собирался – строительство хоть и на время, а давало некоторое количество рабочих мест.

И в Олд-Сити появилось такое понятие, как трущобы.

Старые обветшавшие строения, частично покинутые, частично заселённые безработными или инвалидами. Кто-то давно уже не мог работать, кто-то не мог эту работу найти, а кто-то просто и не хотел её искать. И в трущобах всё чаще по ночам раздавались выстрелы и грохот двигателей быстрых и лёгких трёхколёсных транспортов – байков.

В две тысячи сто восемьдесят первом, когда на планету сели первые транспорты с Венеры и Земли, работы в Олд-Сити прибавилось и трущобы сильно опустели – начавшие зарабатывать люди переселились оттуда в более благоустроенные дома. Когда же началось строительство нового города (которому предполагалось стать и новой столицей – сосредоточием культуры, изыска и богатства) и люди потянулись туда в поисках работы, трущобы Олд-Сити превратились в места, где даже вооружённый наряд полиции не рисковал показываться без особой нужды.

Постепенно наиболее состоятельные люди по большей части перебрались в Нью-Рим или Пригород, а Олд-Сити полностью вернул себе былое значение рабочего поселения. Правда, теперь – в две тысячи триста семидесятом – здесь обитало свыше двух миллионов человек.

Не все, живущие в Олд-Сити сегодня, имели прямое отношение к заводам. Подавляющее большинство их просто кормилось на рабочих, как песчаные мухи, паразиты, присасывающиеся к обнажённой коже. Это и не удивительно – ведь на Марсе, помимо заводов, существовало ещё множество заведений, активно помогающих тратить свои деньги.

Магазины, отели, бары, рестораны, казино.

Продавцы, портье, бармены, метрдотели, крупье.

Воры, проститутки, грабители, алкоголики, маньяки, наркоманы, игроки.

Разумеется, столь пёстрая компания считала законы чрезмерно строгими. И всеми силами старалась жить так, будто бы их и вовсе не существует – начиная с прошлого века Олд-Сити по количеству преступлений надёжно держал первое место.

И уступать это первенство он никому не собирался.
Как бы того ни желала полиция.

* * *

Тура и Стрелку конвоировали четверо полицейских, вооружённых, ни много ни мало, автоматами. То ли ребята опять успели набуянить, то ли здесь, в Олд-Сити, сегодня выдался тяжёлый день – Кэссиди так и не понял. Едва завидев командира, Тур сразу же принялся орать:

– Фил, ну, что за ерунда?! – он, как обычно, был возбуждён и возмущён, и английские фразы усиленно перемешивал с русскими. – Эти нижники шагу не дают ступить приличной женщине без того, чтобы не попытаться залезть ей под юбку! Куда это годится, Филя?! Нет, ты мне скажи, куда это годится?! И потом, я этим болванам говорю, что мы сами из полиции, так ведь – нет! Не слушают! Всякая сержантня начинает мне – офицеру! – давать указания!..

Охрана, с пятого на десятое понимавшая этот смешанный русско-английский диалект, слово «нижник» уловила достаточно отчётливо и сразу посуровела. Кроме того, привычное для Кэссиди нежелание Тура причислять сержантов к офицерам только подлило масла в огонь.

– Затаяли в баре драку, – принялся устало читать капитан с экрана. – Зверски избili четверых...

– Семерых! – гордо поправил его Тур.

– ...отдыхавших, – капитан поднял на Тура утомлённый взгляд. – Оказали сопротивление полиции при задержании...

– Подумаешь, в глаз заехала! – фыркнула Стрелка. – А нечего было меня руками хватать!

– Отказались представиться, – вздохнул капитан, – и сообщить звания.

– А у нас выходной! – заносчиво сказала Стрелка. – Мы сейчас без званий! Просто отдыхаем, вот!

Капитан лениво потыкал пальцами в клавиатуру, вывел на экран чистую форму бланка и посмотрел на Кэссиди.

– Давайте, – сказал он. – Имена, фамилии, звания...

– Капитан Ирина Николаевна Стрельцова, – медленно начал диктовать Кэссиди. – Капитан Исана Кобо...

– Николай?! – растерянно переспросил капитан, удивлённо покосившись на Стрелку, словно бы сомневаясь в её принадлежности к женскому полу.

– Блин, да позовите же кого-нибудь русского! – скривилась Стрелка.

– Запишите, как «Ирина Стрельцова», – посоветовал Кэссиди. – Проще будет, по себе знаю... Исана Кобо записали? Капитан он... Так, теперь, лейтенант Олег Туров...

– Олег Васильевич, – уточнил Тур.

– Неудивительно, что вы до сих пор лейтенант, – усмехнулся капитан.

– А мне удивительно, – возразил Тур. – По идее, меня давно уже должны были разжаловать. Сэ-э-эр-р-р!

– У вас всё ещё впереди, – пообещал капитан.

– А у вас – всё сзади, – кивнул Тур.

– В заднице, – негромко, но внятно пояснила Стрелка.

– Ваши фамилия и звание? – капитан вопросительно посмотрел на Кэссиди, хотя вопрос о звании был совершенно излишним – майорские нашивки на кителе Филя были видны ясно.

– Майор Филипп Кэссиди, – спокойно ответил Фил. – Командир экипажа ноль-пять, космическая полиция...

– Летун... – буркнул кто-то.

– Я попросил бы вас, господин капитан, сэр... – скучающим голосом заметил Фил, – оградить меня от...

– А я попросил бы вас, господин майор, сэр, – не менее скучающим голосом перебил его капитан, – следить за своими людьми. И не допускать более в Олд-Сити подобных безобразий. Можете буянить в своём Эйр-Йорке сколько душе угодно. А у нас...

– А мы в русском баре были! – нагло заявила Стрелка. – У своих, вот!

– Да, Фил! Точно! – подтвердил Тур.

– Заткнулись все!!! – рявкнул Фил.

В помещении мгновенно наступила гробовая тишина.

Экипаж, хорошо знавший своего командира, понял, что сейчас наступил тот самый момент, когда надо не замолчать, а именно заткнуться – замереть, не издавать ни звука, словно бы тебя и нет. И глядя на окаменевших летунов нижники тоже невольно подобрались и чуть ли не встали по стойке смирно. Даже капитан за столом подтянулся и помятости в нём как-то поубавилось.

В полнейшей тишине, нарушаемой лишь стуком клавиш, Филипп оформил нужные документы, кивнул капитану и направился к дверям.

– За мной, – коротко бросил он, проходя мимо экипажа.

Команда послушно проследовала за ним.

У лейтенанта возле стойки они получили обратно свои документы, бумажники и кислородные маски с очками. И через минуту были уже на улице.

– Спасибо, командир, – с чувством сказал Филиппу Тур. – Спасибо, выручил.

– Сэр, – мрачно напомнил Филипп.

– Сэр, – согласился Тур. – Да, сэр. Так точно, сэр.

– Раздолбай, – пробурчал Филипп.

– Так точно, сэр, – Тур вполне серьёзно щёлкнул каблуками. – Это я был зачинщиком драки, сэр. Виноват, сэр. Больше не повторится, сэр.

– Три раздолбая, – Филипп смотрел в сторону, – Два русских раздолбая и один японский раздолбай...

– Разрешите уточнить, сэр, – Изя, как и Тур, совершенно серьёзно щёлкнул каблуками. – Я – самый маленький по росту раздолбай.

– Да ну вас, – отмахнулся Филипп. – Идиоты...

Он уже оттаивал и команда это чувствовала. Но она не знала ещё, что озабоченность Филиппа Кэссиди вызвана отнюдь не этой историей с дракой: ещё в вездеходе у Хартона Кэссиди получил сообщение из полицейского участка. И сегодня его ждал разнос.

– А вот мне интересно, как мы все поместимся в твою машину, Фил? – спросила Стрелка, с любопытством оглядываясь по сторонам в поисках машины. – Она же двухместная. Где она вообще?..

Кэссиди промолчал.

– Фил, ну, не сердись, – Стрелка подёрнула его за рукав. – Мы правда больше не будем. Честно-честно!

Кэссиди посмотрел на неё. Стрелка широко улыбнулась, встала по стойке смирно и щёлкнула каблуками.

– Дура, – вздохнул Кэссиди.

– Так точно, сэр! – звонко выкрикнула Стрелка.

– По возвращению в Эйр-Йорк нас всех будет ждать начальник участка, – медленно сказал Кэссиди, – господин капитан Мигель Лучано.

– Нагоняй будет, да? – Стрелка обиженно надула губы. – За парочку разбитых морд, да?

– За невылет на задание по тревоге, – возразил Кэссиди.

– Твою мать... – Стрелка почесала в затылке.

– Вот, попали... – пробормотал Тур. – Ну, блин... Что за невезуха, а?

Кэссиди молчал.

- Фил, и что теперь будет? – обеспокоено спросил Тур. – Гауптвахта? Или сразу выгонят? Кэссиди пожал плечами.
- Ну, почему нам так не везёт, а? – хлопнул себя по бедру Тур.
- Я так думаю, Тур-сан, что нам очень даже везёт, – возразил Изя. – Нас в баре могли сильно побить. И в полиции могли.
- Всё ещё впереди, – мрачно пообещала Стрелка. – И не грузись ты так, Олежка. Выгонят – плевать. Транспортником пойду, в «Ташико-Морок», меня возьмут, мне предлагали уже.
- Ага, пойдёшь ты, так я тебе и поверил, – фыркнул Тур. – Ты же без корабля загнёшься. Стрелка тяжело вздохнула.
- Ладно, – решил Кэссиди. – Вернёмся, видно будет. А пока... пошли разыскивать какую-нибудь машину, нам домой пора. Хорошо бы транспортника какого уговорить...

* * *

Золотой Треугольник иногда сравнивали с живым организмом. Бетонные ленты междугородных трасс – кровеносная система Золотого Треугольника, дающая жизнь городам. Несущиеся по дорогам грузовики – эритроциты, доставляющие груз к месту назначения. Полицейский патруль – лейкоциты, обеспечивающие безопасность артерий и вен, не позволяющие заразе и чужеродным бактериям проникнуть в тело Золотого Треугольника. Но так было далеко не всегда.

Практически сразу же после возникновения дорог на них принялись хозяйничать те, кто считал себя незаслуженно обделённым благами цивилизации. Байкеры и мертвяки. Люди, привыкшие к дикому и полуголодному существованию. По-своему понимавшие слово «свобода» и страстно желавшие её. Те, кто вполне серьёзно не считал человеческую жизнь ценной; те, кто готов был продавать людей в рабство за пачку галет; те, кто готов был убивать ради сохранения привычного им образа жизни.

Каждый второй транспорт, везущий со складов Эйр-Йорка груз в Олд-Сити или Нью-Рим, подвергался грабежу. Оружие, боеприпасы, одежда, продукты, лекарства и спиртное с ферм Долины Ареса – обитатели мёртвых городов и хозяева песков были всего этого лишены. Но разве сложно остановить транспорт, чтобы взять то, в чём тебе отказали? А водители больше ценят свою жизнь, нежели штабель коробок в кузове. Они не будут оставлять семью без кормильца только ради того, чтобы какая-то дамочка в Нью-Риме смогла наслаждаться изысканными деликатесами, доставленными с Земли или Венеры. Защищать груз?! Ха! Мне он не нужен! Мне платят деньги за то, чтобы я его вёз, а не охранял. На это существует полиция, содержащаяся на деньги с налогов, которые я исправно плачу. А мертвяки и байкеры – народ серьёзный. С ними спорить – себе дороже. Так думали многие. Но не все.

Легендарные Ташико Мицуси и Сергей Мороков начали свою карьеру с убийства – из остановивших их грузовик байкеров четверо были убиты, а двое связаны и доставлены в полицейский госпиталь, где они скончались от множественных травм полтора часа спустя. Суда над Ташико и Сергеем не было, люди оказались поражены тем, что нашёлся кто-то, ставивший безопасность груза выше собственной жизни. И готовый груз этот защищать до последней капли крови. Чужой груз, своя кровь...

Ташико Мицуси и Сергей Мороков мгновенно были завалены заказами на несколько лет вперёд. Им наперебой предлагали работу в транспортных конторах Эйр-Йорка. Но они поступили более умно.

«Компания „Ташико-Морок“ гарантирует Вашу безопасность и сохранность Вашего груза; в случае задержки груза компания возвращает сумму, уплаченную за перевозку; в случае потери или повреждения груза компания возмещает его стоимость в двукратном размере...» – этот рекламный проспект читался, как фантастика. И отбоя от клиентов у компании не было.

Водители компании «Ташико-Морок» напоминали венерианских солдат частей специального назначения – и по экипировке, и по подготовке. Байкеры и мертвяки считали их своим главным врагом. И захваченный в плен транспортник мог не надеяться на лёгкую смерть, выкуп или даже рабство. Транспортники отвечали грабителям тем же.

К полиции у транспортников отношение было такое же, как у всех водителей ко всем полицейским, которые мешают быстро ездить и вообще не вовремя суются со своими дурацкими законами и предписаниями. К астронавтам же отношение было прямо противоположным – они обеспечивали транспортников работой, доставляя на планету грузы. Поэтому при виде офицеров космической полиции транспортники обычно впадали в ступор. С одной стороны – полицейский, но с другой – астронавт. Пойди тут разберись...

* * *

Стрелка считала, что транспортника следует разыскивать в баре. Фил же полагал, что, во-первых, если такой в питейном заведении и окажется, пользы от него, как от водителя, будет немного; а во-вторых, с команды «Отбоя» на ближайшее время хватит каких бы то ни было баров, особенно в Олд-Сити. Кроме того, Фил очень сомневался, что транспортники согласятся их подвезти. Потому он связался с майором Тимом Роккуэлом – командиром экипажа пятнадцать, патрульный корабль «Морда» – и попросил забрать их отсюда.

– Как я вас всех заберу?! – обалдел Тим. – Ты что, Фил?! У меня же двухместная машина... кстати, как и у тебя... ах, чёрт! Да, прости, забыл... Маркус в порядке?

– Да в порядке он, в порядке, – ответил Фил. – Колено повредил, два ребра, ключица, челюсть треснула, кажется. Ну, пара синяков ещё... ерунда, одним словом. Так ты нас забережь?

– Ты совсем тупой, Фил, или только хочешь таким казаться? – ядовито поинтересовался Тим. – Я же тебе говорю, что...

– Флаер! – рявкнул Фил, теряя терпение. – Возьми флаер!

– Флаер четырёхместный, – напомнил Тим. – Кому-то из вас придётся остаться.

– Возьми два флаера! – настаивал Фил. – Только забери нас поскорей из этого гадюшника!

– Где я тебе возьму второй флаер?! – возмутился Тим. – Украсть его? Купить? Поискать в пустыне?

– Мой флаер возьми, с «Отбоя», – предложил Фил.

Роккуэл посопел, высказал что-то насчёт полных разгильдяев, и хмуро заявил:

– Каждый раз, когда у тебя выходной, Фил... слышишь меня? Каждый раз ты ухитряешься вляпаться во что-то...

– Ладно, заткнись, – буркнул Фил.

– Это ты заткнись, – возразил Тим. – Я собираюсь тебя спасти, поэтому заткнись ненадолго и дай мне высказаться.

– Хорошо, высказывайся, – Филу вдруг стало всё равно.

– Не буду, – ответил Тим. – Настроение пропало. Говори код доступа к «Отбою», быстро! И где вас искать!

Фил продиктовал код и объяснил Тиму, что найти их можно будет по пеленгу личного браслета. Например, браслета самого Кэссиди.

– А я бы, всё-таки, предпочла транспортника, – заявила Стрелка. – Не поймите меня превратно...

Фил промолчал.

– Но если уж ты выбрал флаер, – продолжала Стрелка, – может быть, мы тогда сможем выпить пива, а?

– Хватит с вас пива! – окрысился Фил. – Алкоголики!

– Почему – алкоголики? – спокойным голосом поинтересовался Изя.

Изя обычно зря в разговоры не вступал. Особенно, когда Кэссиди злился – Исана Кобо совершенно справедливо полагал, что в такие моменты лучше держаться от начальства подальше. Он мог, конечно, подколоть или сделать пустое и глупое замечание, чтобы несколько разрядить обстановку и «отвести огонь на себя». Но такой вот тон появлялся у него очень и очень редко. Очевидно, сейчас Фил был в чём-то неправ.

– Ну? – спросил Фил, внимательно разглядывая Изю.

– Мы не пили в баре, – с готовностью заявил Изя. – Ты напрасно так говоришь, Филясан. Мы только туда вошли, и к нам сразу пристали.

– Ко мне, – поправила Стрелка. – Козлы какие-то.

– Я думаю, – спокойно продолжал Изя, преданно глядя на Фила, – что если к нам больше не будут приставать, мы тоже станем вести себя тихо. Правда? – он посмотрел на Тура и Стрелку, и те горячо закивали в ответ.

– Мы выпьем всего лишь по бокалу пива пока ждём Тима-сан, – заявил Изя. – Иначе это будет самый глупый выходной за всю мою службу. А? Филясан, можно?

Фил понимал, что ребята в этой истории ни при чём. Ещё в участке он сообразил, что спиртным от них совершенно не пахнет. Как-то неправильно получается: сам он вчера оторвался по полной программе, а на долю команды выпали только драка в баре и многочасовое пребывание в участке.

– Ладно, – махнул рукой Кэссиди. – Но, если только хоть одна зараза из вас!..

– Так точно, сэр!!! – радостно и одновременно рявкнули ему в ответ три глотки.

Глава вторая

ЮЖНАЯ ТРАССА

Ближайший бар находился всего в двух кварталах – за углом, где улица переходила уже в Западную трассу. Назывался он несколько странно: «Могила счастья». И Фил подумал, что такое название обязательно должно иметь глубокий сакральный смысл, которого никто, кроме владельца бара, не понимал и понимать не обязан.

Снаружи это заведение выглядело, как нагромождение камней – этакая стилизация под постройки никогда не существовавших марсиан. Была одно время такая мода, возводить чёрте что, объявляя это наследием безвестно канувшей в лету цивилизации. Дескать, если бы марсиане существовали, они строили бы дома именно так. У Кэссиди на этот счёт было своё мнение. Он считал, что если марсиане именно так и строили свои дома, это и было причиной их вымирания.

Высокое – футов сорок – здание, плоская крыша, широкие и низкие башни по углам и одна высокая, словно шпиль, в центре. Окон не было, но зато и башни и все стены были украшены ярко переливающимися разноцветными огнями, пытавшимися изображать какие-то картины. Наверное, ту самую могилу счастья, подумал Фил. Эти огни сейчас выглядели как-то необъяснимо тревожно, вся улица была залита излучаемым ими светом, успешно конкурирующим с лучами заката.

– Ну, пошли же уже! – нетерпеливо торопила Стрелка, зябко поводя плечами.

Действительно, становилось холодно. Солнце уже опустилось за горизонт, его крошечный диск скрылся за вершинами гор и в небе разлилось розовато-голубое сияние. Кроме того, в воздухе отчётливо почувствовался ветерок, принёсший запах песка. Пока ещё слабый ветерок, но не оставалось никаких сомнений, что часа через три начнётся песчаная буря. Фил подумал, успеет ли их забрать майор Роккуэл и решил, что успеет. Так что, беспокоиться не о чем, пусть ребята отдохнут.

А если буря застанет их в пути, тоже ничего страшного. Судя по всему, идёт она откуда-то с Равнины Хриса, должна быть не очень сильной, и вообще может по дороге выдохнуться. Всё-таки, терраформирование Марса, хоть и незавершённое в своё время, но даёт о себе знать. Говорят, что лет пятьсот назад небо ещё чуть ли не два часа после заката оставалось светлым, а спокойный и безветренный день почитался за счастье. Всё-таки, и ветра стали потише, и пыли в воздухе поубавилось. Хотя без маски и очков по-прежнему лучше на улицу не выходить.

Прорвёмся, подумал Фил. Над крышами пойдём, по Пригороду. Или над самой трассой – так ветра будет меньше чувствоваться...

Пройдя через шлюз команда «Отбоя» стащила с себя маски и очки и огляделась.

В баре было тепло. И уютно – наверное, из-за приглушённого света. А ещё здесь было шумно, из-за музыки, которую порой перекрывали голоса посетителей. Народу было не то, чтобы очень уж много, но свободных столиков не наблюдалось. Впрочем, это неудивительно – заведение возле самого въезда в город не могло не пользоваться популярностью. Особенно в выходные, и особенно у водителей; судя по всему здесь в основном находились именно транспортники «Ташико-Морок». Коллектив водителей грузовиков слегка разбавлялся рабочими и несколькими совершенно невнятными личностями – то ли наркоторговцы, то ли сутенёры. Обилие женщин способно было поразить воображение, а их нервные азартные взгляды могли вызвать жгучее желание запереться где-нибудь подальше. Но в целом обстановка в баре была приветливая.

Возле Фила и Изи мгновенно откуда-то возник неизвестный парень, который с жаром принялся рассказывать им, что собирается открывать в Нью-Риме детективное агентство, специализирующееся на паранормальных явлениях. Думаете, здесь нет таких явлений?! Ошибаетесь! Здесь у нас – ого-го, какие явления! И все паранормальные! Слышали о таинственном случае в кратере Барсукова? Нет?! Я сейчас расскажу!..

Фил уже набрал в грудь воздуха, чтобы послать этого парня куда подальше, но Изя вежливо представился и спросил, как его зовут, как будет называться агентство, сколько там будет работать человек и какого рода паранормальными явлениями они собираются заниматься. Парень неимоверно оживился и охотно сообщил, что зовут его Смит (Фил не расслышал, но ему так показалось), агентство будет называться как-нибудь солидно (он перечислил несколько названий, из которых Фил запомнил только «Всевидящее око» и «Великий сыскной»), а Изя вообще ни черта не запомнил; он, оказывается, и не слушал этого Смита, только вежливо кивал в ответ), а в агентстве их будет работать только двое: сам Смит и его приятель. Фил хотел спросить, не Вессон ли, случайно, фамилия этого приятеля, но тут к счастью появился ещё один посетитель, который затеял со Смитом спор о паранормальных явлениях. К ним мгновенно присоединились ещё двое (судя по всему, водители «Ташико-Морок») и дискуссия свернула несколько в иное русло. На звук возникли трое каких-то здоровенных лбов (судя по резким движениям и неожиданным решениям – работники заведения) и Изя быстро утянул Фила от греха.

– Хороший человек, – одобрительно кивнул Изя в сторону выпроваживаемой из бара компании. – Только глупый очень. Откуда на Марсе паранормальные явления?! Я знаю только одно такое явление: капитан Мигель Лучано, начальник нашего полицейского участка. Но с ним не справиться ни одному детективному агентству.

– Бред это всё, – отмахнулся Фил. – Детективное агентство в Нью-Риме?! Оно будет заниматься только пожилыми богатыми бездельниками, которым по вечерам с перепою мерещатся всякие чудеса.

– С какого перепою? – недовольно спросил подошедший Тур. – Здесь нам перепою, как я понимаю, не грозит. Опоздали мы, ребята. Ни одного столика свободного.

– У стойки выпьем, – заявила Стрелка.

Она жадно озиралась по сторонам, в тщетных попытках отыскать свободное местечко. Её нервность и дёрганные движения говорили о том, что Стрелка сегодня здорово переволновалась. Сейчас она находилась на взводе и ей позарез требовалось выпить, чтобы снять напряжение, разрядить его смехом, беззлобной шуткой, дурачеством и безобидными глупостями.

Туру тоже требовалась выпивка. Был он человеком мрачноватым и мнительным и, в отличие от Стрелки, «разряжался» либо сарказмом, либо полными депрессией монологами на совершенно любую, даже не относящуюся к данному моменту, тему.

Изе же выпивка вообще не требовалась. Поскольку вывести его из состояния равновесия способна была лишь смертельная опасность, грозящая либо ему самому, либо кому-то из его близких. А поддержал он желание Тура и Стрелки исключительно потому, что хорошо знал их характеры – друзьям и правда требовалось отдохнуть и снять стресс.

Фил это тоже хорошо понимал. Последний их рейд был в Земли Ксанта, где в Кратере Да Винчи местные жители с какой-то дури изготовили атомное оружие. Поселение в кратере было достаточно крупное (свыше тридцати тысяч человек) и достаточно смелое, чтобы проявлять свою независимость по отношению к Золотому Треугольнику. Им быстро удалось организовать успешную оборону и семеро летунов уже никогда не вернутся в Эйр-Йорк. Хорошо ещё, что само атомное оружие они не использовали, возобладал здравый смысл и желание жить. Но первые два дня полиция настойчиво советовала правительству Золотого Треугольника объявить эвакуацию.

Нервность Стрелки и Тура объяснялась ещё и тем, что у обоих оставались в Эйр-Йорке близкие. У Стрелки – дочь, у Тура – младшая сестра. А спокойно работать, зная, что на твоих родных в любой момент может рухнуть ядерная боеголовка, невозможно.

Откуда Кратеру Да Винчи удалось раздобыть компоненты для атомного оружия – этим сейчас занимаются следователи-нижники. Вроде бы к этому делу были каким-то боком причастны байкеры, но так это или нет, неизвестно.

Пятидневное чудовищное нервное напряжение в Кратере Да Винчи сказалось и на Филиппе: вчерашней гулянкой с Маркусом и двумя разбитыми автомобилями. Так что, желание команды Фил хорошо понимал. Невозможно жить в состоянии беспрестанной войны. Особенно когда остальная часть человечества живёт более или менее в состоянии мира.

– За стойкой тоже места нет, – огорчённо заметил Тур. – Вон, погляди! – он ткнул пальцем в сторону сверкающих бутылочным стеклом полок за стойкой бара.

Бутылки были красивые и разные. Но каждый знал, что ассортимент напитков в барах Олд-Сити не дотягивает и до трети выставленных напоказ бутылок. Впрочем, этому мало кто придавал значение. За бутылку, например, «марсохода» – дешёвый, но очень хороший самогон, поставляемый в города фермерами из Долины Ареса – в барах обычно брали около пятёрки. Даже если «марсоход» был налит в элегантную посуду, на этикетке которой значилась марка самого дорогого виски.

Фил пробежался взглядом по полкам, затем посмотрел, что творится перед стойкой.

Перед стойкой, по правде сказать, ничего особенного не творилось, никакого такого безобразия. Единственное, что привлекало внимание, это один из посетителей. Он выглядел, как типичный водитель «Ташико-Морок» и стоял, уперев широко разведённые руки в тёмный пластик стойки, на которой перед ним ровным рядом выстроилось не меньше двух десятков рюмок. Часть из них уже была пустой, другая ещё только ожидала этого. Места он занимал действительно непозволительно много, но окружающие старались его не беспокоить. Изучающий взгляд водителя блуждал по рюмкам, словно главнокомандующий, проводящий смотр войск. Правда, выглядел он отнюдь не так же торжественно.

Был этот водитель здоровенный, квадратный и бритоголовый, с татуировкой на правой руке: «Вашу мать, если она у вас вообще была!..» В потрёпанной кобуре на поясе покоился устрашающего вида пистолет. Кобура была открыта – транспортники просто отрывали клапан, чтобы оружие всегда можно было быстро выхватить. На груди у водителя болталась кислородная маска, на которой светящимися красками была намалёвана оскалившаяся острыми клыками пасть. Живописный персонаж, мало кто рискнул бы заговорить с таким.

Стрелка рискнула.

– Подвинься, а? – громко произнесла она. – А то столики все заняты, присесть негде.

– А? – водитель непонимающе уставился на неё.

– Подвинься, говорю! – Стрелка повысила голос.

– Чего?! – водитель был немногословен.

– Блин! Глухой, что ли?! – взвилась Стрелка. – Выпить хочу! Понял?

– Это моё виски, – почему-то обиделся водитель. – Сама купи, дура!

– Да не нужно мне твоё пойло! Ты подвинься, чтобы тут встать можно было!

– Так бы и сказала, – проворчал транспортник, сгребая своей лапищей со стойки пустые рюмки. – Ба-а-армен! За-а-абери!

– Повторить? – поинтересовался подошедший бармен.

– Нет, не надо, – после секундного размышления отказался водитель. – Мне ещё сегодня в Эйр-Йорк груз гнать.

– В Эйр-Йорк?! – встrepенулась Стрелка. – А когда?

Водитель посмотрел на браслет, подумал и лаконично ответил:

– Скоро.

– А нас не захватишь? – спросила Стрелка.

– Слушай, отстань от человека, а? – потормошил её за плечо Тур. – Всё же уже в порядке, за нами едут.

– Да отцепись ты, – отмахнулась Стрелка.

Изя заказал себе что-то не особенно крепкое, и благоразумно встал возле водителя и Стрелки. Фил занял позицию за спиной водителя. А Тур стоял позади Стрелки и по виду его было件нятно, что он в любую секунду готов выпустить бокал с пивом и начать оттаскивать разбуянившуюся женщину. Если, конечно, понадобится. Но уже было件нятно, что не понадобится, что все приготовления, к счастью, оказались лишними. Водитель был настроен благодушно, Стрелка тоже. Просто назревал обычный разговор.

Водитель оглянулся на Фила, смерил взглядом его фигуру, одетую в форму полицейского-астронавта, буркнул что-то типа: «Нигде от вас покоя нет...» и снова посмотрел на Стрелку.

– Ну? – спросила она.

– Это коп? – ответил вопросом водитель, указывая на Фила через плечо.

– Это инопланетянин, – ответила Стрелка.

– Ты тоже инопланетянин? – спросил водитель.

– Ага, – кивнула Стрелка. – В звании капитана.

– Кругом одни неразумные инопланетные существа... – вздохнул водитель, беря со стойки рюмку и залпом опрокидывая её в себя.

– Так подбросишь нас до Эйр-Йорка? – допытывалась Стрелка.

– Нет, – отрезал водитель. – Не хочу. Хватит с меня копов, ты ещё тут лезешь.

– Ну и дурак, – спокойно объявила Стрелка. – Я бы тебя пригласила. В гости. Может быть, – ехидно ответила Стрелка.

– В гости я к тебе прямо тут зайти могу, – хохотнул водитель.

Тур не выдержал, прыснул, подавился пивом и закашлялся. Изя с удивлением посмотрел на водителя. Стрелка, впрочем, тоже выглядела опешившей, она не ожидала такого ответа от подобного субъекта.

– Ну, попробуй, – наконец-то отреагировала она. – Рискни здоровьем, козёл.

Водитель промолчал.

– Тебя как зовут-то, козёл? – поинтересовалась Стрелка.

– Кирк Трэндел, – ответил водитель.

– А меня – Стрелка, – представилась она и заявила: – Козёл ты, Кирк Трэндел. Понял, нет?

– Это вы в «Самоваре» бучу устроили? – водитель словно бы и не замечал оскорблений Стрелки.

– Ага, мы, – кивнула Стрелка. – Потому что там козлов много было. Таких же, как ты.

– У тебя энциклопедия дома есть?

– Чего?! – ещё раз опешила Стрелка.

– Энциклопедический справочник, спрашиваю, есть дома? – повторил водитель.

– Нафиг он мне?! – удивилась Стрелка.

– А ты открой его на слове «хамка», – посоветовал водитель, – и увидишь там свою фотографию.

– Тьфу ты, козёл, – Стрелке тоже стало смешно, она не ожидала, что попадётся на такую древнюю и примитивную подколку.

– Говорят, вы в «Самоваре» хорошо повеселились, – водитель в упор не замечал оскорблений Стрелки. – Я только поэтому с тобой и разговариваю.

– Почему? – спросила Стрелка, прихлёбывая пиво. – Потому, что у меня нет энциклопедии или потому, что ты козёл?

– Потому, что мой напарник – Стекс Вашингтон, он сейчас отдыхает, нету его тут, – рассказал мне, как один русский экипаж астронавтов надрал задницу здешним отморозкам.

– Русский экипаж? – усмехнулся Фил.

– Ну да! – водитель обернулся и посмотрел на Филадельфию. – У них, говорят, даже командир русский... ну, у вас, то есть.

– А я японец, – встрял Изя, и в голосе его звучал явный вызов.

Водитель замолчал, чуть ли не минуту внимательно изучал Изю, затем повернулся к стойке и залпом опрокинул в себя ещё одну рюмку.

– Первый раз вижу русского японца, – помотал головой водитель.

– Так что, Кирк, подбросишь нас? – опять начала гнуть свою линию Стрелка. – Заметь, я тебя уже козлом не называю, цени!

– Нет, я сказал, – ответил водитель. – Не обижайся, но не люблю я копов.

– Никто нас не любит, – вздохнул Тур.

Водитель согнулся набок, разглядывая Тура, потом повернулся к Стрелке.

– Этот с вами?

– Да.

– Тогда ладно, пусть живёт, – решил водитель.

– А почему ты копов не любишь? – Стрелка уже сидела на стойке бара, болтая ногами. Водитель смотрел на неё снизу вверх.

– Да на трассе тормознули меня, – принялся рассказывать водитель. – Три дня назад. Ехал я сюда, в Олд-Сити, а они тормознули. Копы, патруль. Документы, накладные, то, сё... Потом говорят, отойди от машины. А я же по правилам дальше трёх ярдов отходить не могу! А они мне: дальше отойди! А Вашингтон как раз заметил, что за барханом два байка торчат. Ну и начал стрелять. А потом я начал. Стрелять, в смысле. Нам-то ничего, мы это дело крепко знаем, а этим «копам» – им уже кранты. Их, оказывается, семеро было, ещё четверо в вездеходе прятались. Ну, мы всех семерых и уложили. Облазили там всё кругом, нашли ещё три тела, в форме копов, с документами. Это значит те самые, кто в вездеходе был, патрульные, то есть, настоящие копы. А живых никого больше нету, байки бесхозные только валяются. Ну, Вашингтон грузовик дальше погнал, а я остался копов ждать. Ну, приехали они, записали всё, сфотографировали, сняли с меня показания, погрузили трупы, уехали. А вчера в участок вызывали, бумаги подписать. А в бумагах указано, что нападавших четверо было. Ну, я и не стал подписывать. Неправда потому что. А они мне грозить начали. А я в лоб дал одному сержанту. И ещё одному. А у них сотрясение мозга получилось. Ну, меня и штрафанули по полной программе. Хорошо хоть, не посадили, сволочи... Вообще, что ни коп, то сволочь!.. То есть... я имел в виду патрульных. Ничего, что я всё коп, да коп?

– Ничего, – отмахнулась Стрелка, и спросила: – А чего ты подписывать не стал-то?

– Понимаешь, мне вот чего не понравилось, – сказал водитель. – Байка два, а трупов семь. Ну, то, что они патруль грохнули, это понятно. Но на двух байках только четверо могли к трассе подъехать. А остальные трое тогда откуда взялись? Они-то кто были? Да и копов только три тела было. А ведь патруль всегда четыре или пять человек. Или бывает, чтобы трое, а?

– Бывает, что даже двое, – подал голос Фил, вспомнив вездеход лейтенанта Хартона. – Всякое бывает.

– Бывает, говоришь? – задумчиво переспросил водитель через плечо. – Нет, всё равно не получается что-то, – он почесал в затылке. – Два байка – четверо байкеров. А вездеход патрульный как раз шесть копов взять может. Всего, значит, десять. И у нас десять. А этих лишних, которые на двух байках поместиться не смогли бы, их по документам вроде бы и нету. Вот и думай тут...

– А чей патруль? – спросил Филипп. – Эйр-Йоркский?

– Из Нью-Рима...

– Кирк! Эй, ты чего тут торчишь?..

К стойке подошёл высокий чёрный парень, почти точная копия Кирка Трэндела, только с поправкой на цвет. И даже татуировка у него была похожая: «Вашу мать я вспомню не раз», только ярко-белого цвета.

– О! Стекс! – Кирк обменялся с подошедшим рукопожатием. – А я тут отдыхаю, с копами – видишь? – беседую, виски пью.

Подошедший Стекс тревожно оббежал взглядом команду, остановился на Филиппе, скользнул взором по майорским нашивкам и спросил:

– Проблемы?

– У кого? – улыбнулся Фил.

– Да перестань ты, Стекс! Они не на службе, мы просто отдыхаем, – пояснил Кирк. – Это как раз те русские, что в «Самоваре» надавали по соплям ребятам Олафа Стоунсона.

– Понятно, – Стекс окаменел лицом. – А ты знаешь, Кирк, что двое из парней Олафа умерли?

– Как?! – опять поперхнулся пивом Тур.

Стрелка соскочила со стойки и испуганно посмотрела на Стекса. Изя опустил руку и аккуратно поставил бокал с пивом на стойку. А у Филя внутри всё похолодело.

– Не может быть, – сказал он.

– Сходи в полицию, проверь, – посоветовал Стекс.

– Да и хрен с ними, с придурками этими! – воскликнул Кирк. – Подумаешь – двое откинулись! Подонки они все! У Олафа что ни человек, то подонок! А эти копы нормальные, хорошие ребята, и она вот тоже ничего. Я им тут рассказал, чего с нами на трассе было...

Стекс вздрогнул, как от удара в челюсть.

– Ладно, Кирк, нам ехать пора. Пошли, – он схватил Кирка в охапку и потащил его в сторону двери.

– Не нравится это мне, Филя-сан, – заявил Изя. – Очень не нравится.

Фил посмотрел на Изю тяжёлым взглядом.

– Кажется, ребята, мы влипли, – сказал он.

– Нет, Филя-сан, это только так кажется, – возразил Изя. – В баре мы не очень сильно подрались, никто после этого умереть не мог. Это всё неправда.

– А чего же он тогда!.. – взвилась Стрелка. – Сука! Всё настроение изгадил, тварь!

– Ребята, скажите мне, – так же спокойно продолжал Изя. – Вы больше ничего не запомнили из этого разговора?

Стрелка с Туром недоумённо переглянулись и посмотрели на Изю. А Фил уже понял.

– Патруль из Нью-Рима, – сказал он.

– Да, Филя-сан, – кивнул Изя. – Из Нью-Рима.

– Какой патруль, вы о чём?! – Тур обалдело крутил головой.

– Тупой ты, – заявила Стрелка. – Даже я уже догадалась.

– О чём?!

– Кирк рассказал, что их остановил нью-римский патруль, – пояснил Фил. – А нью-римский патруль, как и патруль Олд-Сити, несёт дежурство только на Южной трассе.

– Ну, знаю я это! И что?

– Что делал грузовик «Ташико-Морок» на Южной трассе? – холодно спросил Фил. – Что он вёз из Нью-Рима в Олд-Сити? Произведения искусства? Новые записи симфонического оркестра? Коллекционные вина? Эксклюзивные ювелирные изделия? Что?

– Чёрт, не допёр я сразу, – расстроено почесал затылок Тур. – Этот гад как сказал про умерших, у меня всё из башки вылетело...

– Не у тебя одного, – согласилась Стрелка. – Потому и сказал.

– Меня ещё одно беспокоит, – задумчиво проговорил Изя. – Этот Кирк обмолвился, что они со Стексом обшаривали барханы. А как они попали за линию силовой защиты? И про подорванные столбы он ничего не говорил.

– У них были полицейские жетоны, – сделал вывод Тур.

– Разумеется! – фыркнула Стрелка. – Без жетонов не отключить силовую установку. Не через КПП же они тащились!

– И что теперь будем делать? – поинтересовался Тур.

– Ничего, – ответил Фил. – Домой поедем, нагоняй получать. Вон, Тим уже за нами прилетел... Эй, Тим! – Фил помахал рукой озирающемуся возле дверей Роккуэлу. – Мы здесь!..

* * *

Новость, принесённая Тимом Роккуэлом, была конечно неприятной, но не столь неожиданной, как могло показаться. Фил ожидал чего-то подобного. В отличие от остальных, которые всё ещё надеялись, что им удастся избежать репрессий со стороны капитана Лучано.

– Как – арестовали?! – возмущалась Стрелка. – Это же наш корабль! Как они могли арестовать его?!

– Ну, не знаю, как, – раздражённо отвечал Тим, – но только меня даже на площадку не пустили.

– Ладно, разберёмся, – Фил махнул рукой и направился к выходу. – Пошли.

– погоди, – остановил его Тим. – Я же на одном флаере. И со мной ещё Джексон, мы вместе на пятую припёрлись, не бросать же мне было его там. Так что, свободных мест только два. Я отвезу двоих, потом вернусь за остальными.

– Ох, мама дорогая, роди меня обратно, – произнёс Фил по-русски. – Ладно, летите. Мы с Туром здесь подождём. Стрелка! Изя! Давайте с Тимом. А мы ещё выпьем. Правда, Тур? Вон как раз и столик освободился.

– Счастливики, – завистливо посмотрела на них Стрелка.

– На чужой каравай рот закрывай, – сказал по-русски Тим.

– Эх! – Стрелка со вздохом обняла его за плечи. – Учить тебя ещё и учить, дубина ты стоеросовая!

– Какая? – переспросил Тим.

– Стоеросовая, – повторила Стрелка. – Это такое звание пехотинца-дровосека, приравнивается к званию майора сил космической полиции. Ладно, пошли быстрее, тебе ещё за ребятами возвращаться надо.

– Ничего, – успокоил её Тим. – Я вам флаер отдам, сами вернётесь. Надоело мне уже мотаться туда-сюда...

Помахав рукой на прощанье Фил с Туром переглянулись и уселись за освободившийся столик недалеко от дверей.

– Пить будем? – спросил Фил.

– Неохота что-то, – поморщился Тур. – Настроения совсем нет.

– Ну, тогда давай кофе закажем, – предложил Фил. – Должен же тут быть кофе. Нам ещё не меньше сорока минут здесь торчать.

– Да и кофе чего-то не хочется, – капризно заявил Тур. – Из головы не идёт тот водитель... как его там? Он тупой, конечно, как пробка, тупее меня даже, но приятеля своего заложил по полной программе.

– А может, и не закладывал он его, – задумчиво пробормотал Фил, глядя в стол. – Может быть, он с нами поближе познакомиться хотел, вот и разоткровенничался.

– Нафига ему поближе знакомиться?! – удивился Тур.

– Работу предложить, – жёстко сказал Фил. – Нам. Работу. Хорошо оплачиваемую. Понимаешь?

– Понимаю, – злобно ответил Тур. – Нашумели мы в баре – поэтому. Сука! Ты рапорт не забудь написать, Фил.

– Отставить советовать старшему по званию, – устало приказал Фил.

– Есть отставить советовать... – кивнул Тур и вздохнул. – Я бы и сам на него рапорт написал, да у меня не примут. Всё настроение обгадил, сволочь... О! Вот, кстати, и он сам...

Фил оглянулся.

Давешний водитель – напарник любителя выпить – действительно был здесь. И это Филу и Туру очень не понравилось. Ещё больше не понравилось им, что водитель, оказавшись в баре, сразу заозирался, словно бы в поисках кого-то – Тур с Филом сразу догадались, кого именно. И совсем уж не понравилось, что водитель был не один, его сопровождали шесть человек, двое из которых были почему-то в форме планетарной полиции.

– Я так полагаю, – пространно заметил Фил, – что ты следовал моим инструкциям и не брал с собой оружия.

– Справедливо полагаешь, – склонил голову Тур. – Никто из нас не брал оружия. Но я надеюсь, что у тебя, как у командира нашего экипажа, нарушений формы одежды быть не должно.

– Правильно надеешься, – ответил Фил. – Но один пистолет против семерых, это не тот расклад, при котором я хотел бы играть...

...Вся компания во главе с водителем устремилась через зал к стойке бара. Шли они решительно, не забывая оглядываться по сторонам. Но сидевших возле самых дверей Фила с Туром не заметили – в этот момент кто-то из посетителей как раз заслонил их от взоров.

– Как ты думаешь, Фил, – глубокомысленно изрёк Тур, – не пойти ли нам с тобой немного прогуляться? Побыть на свежем воздухе, то да сё...

– Свежий воздух нам с тобой не помешает, – совершенно серьёзно ответил Фил. – А то да сё – тем более. Только прогуляться нам нужно быстро. Очень быстро... очень... твою мать!..

Водитель (Фил вдруг вспомнил, что его зовут Стексом Вашингтоном) уже был у стойки, и о чём-то спрашивал бармена. Бармен оббежал взглядом зал, заметил в углу Тура с Филом и махнул в их сторону рукой. Вся компания во главе со Стексом обернулась и посмотрела туда же. Но они успели заметить только спины торопливо идущих к выходу астронавтов.

На улице уже было темно, и пришлось переводить очки на инфракрасный режим. Фил чертыхнулся вполголоса – после вчерашней аварии и очки работали не очень-то хорошо, всё в них казалось почему-то мертвенно-синим, а не привычным густо-зелёным. А тёплые объёкты – люди и не остывшие ещё двигатели машин – очки показывали не оттенками красного, а ровным молочно-белым цветом. Всё это виделось на фоне защитного поля силового барьера, которое тоже казалось Филу бледно-голубым, а не зеленоватым, достаточно жутко. Крупные камни, увлекаемые бурей, которые барьеру не удавалось выбросить вверх, ударялись в защитное поле и вспыхивали ярко-белыми искрами. То есть, всё выглядело очень непривычно, но, в принципе, ничего, жить в таких очках было можно. А именно это Фил (да и Тур тоже) сейчас и намеревались делать.

Ветер уже всю гулял по улицам. Заносимые им через верхнюю, теряющуюся в темноте, кромку барьера тучи пыли и песка были ещё не такими густыми. Фил представил себе, каково сейчас в пустыне – без защиты барьера, где ледяной ветер сильными порывами бьёт в грудь, залепляет лицо песком, забивает клапана маски и стёкла очков – и невольно пожалел байкеров. В такую погоду надо сидеть дома, под защитой надёжных стен, силовых барьеров и воздушных фильтров с обогревом.

– Транспорт нужен, – озираясь заявил Тур. – Они сейчас выскочат, останется от нас одно воспоминание.

– Нет транспорта, – резко ответил Фил. – Где его взять?!

– О! Гляди! – Тур указал пальцем куда-то за угол здания, из которого они только что выскочили.

Фил присмотрелся и почувствовал в груди холодок. Но это было связано отнюдь не с ночным морозом: из-за угла грозно торчали рога байков. Двух или даже трёх. А может быть, и четырёх.

– Поня-а-атно, – протянул Фил.

– Слушай, давай, угоним, а? – азартно предложил Тур.

– А если это местные? – спросил Фил.

– А и плевать! – бесшабашно заявил Тур. – Да?

– Плевать! – весело поддержал его Фил. – Лучше отсидеть в тюрьме за угон, чем отлежать на кладбище после встречи с крутым Стексом Вашингтоном! Погнались!..

Они кинулись за угол, и вовремя: из дверей бара как раз выскочила вся эта компания.

– Где они? – спросил кто-то из них.

– Здесь должны быть, – Фил узнал голос Стекса. – Некуда им деться, у них транспорта нет. Бармен сказал, что двое тут остались. Ищите...

...Байков оказалось целых пять, и все они были пристёгнуты цепями к какой-то торчащей из стены железяке. Фил и Тур усиленно ковыряли замок, стараясь при этом не шуметь. Хотя, как тут не шуметь...

– Чего это там происходит? – насторожился кто-то. – Ну-ка, гляну я...

Дальше всё происходило очень быстро.

Фил увидел, как бледная тень выступает из-за угла, направляется к ним, ошарашено останавливается на полпути. Как вторая бледная тень – Тур – прыгает на него, бьёт по горлу ребром ладони. Как первая тень валится навзничь, успев громко вскрикнуть.

Фил выхватил пистолет и дважды выстрелил в проклятую цепь. Затем он рывком оттащил от стены байк, сильно ударился плечом о какую-то торчащую из машины железяку и запрыгнул в кабину.

* * *

Байки были разработаны для каких-то туманных целей, связанных с геологоразведкой. Геологи когда-то и правда пользовались ими – высокая проходимость, хорошая скорость, устойчивость к сильному ветру, надёжность. Но эти трёхколёсные машины были рассчитаны всего на двух человек. И груза с собой могли взять очень немного. Кроме того, кабина байка была чисто символической: этакое ажурное обрамление из толстых металлических трубок. То есть, человек оказывался целиком во власти ветра, песка и солнца или холода. Разумеется, никакого обогрева тут и в принципе быть не могло. Как и системы воздухообеспечения. Быстро, надёжно, экономично, но очень неудобно. И вскоре геологи перешли на более солидный, хотя и менее скоростной, транспорт. Но спрос на байки от этого меньше не стал.

Многие люди, которым порядки Золотого Треугольника стояли поперёк горла, непременно обзаводились подобными машинами. Потому что именно от скорости и умения ехать по бездорожью зависела их жизнь. Полицейские вездеходы значительно уступали байкам и в том и в другом.

Благодаря этому виду транспорта байкеры получили возможность уйти из Золотого Треугольника и обосноваться в Хаосе Гидаспа. В причудливом лабиринте широких каньонов их не так-то просто было отыскать. К тому же байк легко преодолевал крутые стены ущелий и угнаться за ним на вездеходе было невозможно.

Из Хаоса Гидаспа байкеры могли очень быстро добраться до Олд-Сити, от силы за полчаса. И так же быстро они могли уйти обратно. Поэтому догонять или искать их на назем-

ном транспорте было бесполезно. Флаеры же имелись только на патрульных кораблях космической полиции и в прокуратуре, и гонять дорогостоящую машину за разбегающимися по пескам байкерами обычно не посылали.

Одно время байкеры были на грани междоусобной войны, но потом часть их убралась куда-то совсем уж далеко, в район Лабиринта Ночи. В Хаосе Гидаспа же остались самые отъявленные головорезы, находящиеся в розыске, бежавшие с рудников или от фермеров, убийцы и садисты, безжалостные и отчаянные. Те, кому уже нечего было терять.

* * *

Соображать и разбираться пришлось на ходу. Выскочившая из бара компания перекрывала путь к Западной трассе. К тому же Фил отчётливо разглядел стоявший на пути полицейский вездеход. А наличие в компании Стекса Вашингтона двух копов наводило на определённые размышления.

Южную трассу Фил знал ещё хуже, чем Западную, которую не знал совсем. Но другого выхода не было. Фил вырулил на улицу и свернул по направлению к Нью-Риму – единственному возможному пути отсюда. На экране радара он видел, что Тур от него не отстает. И через несколько минут под колёса байков уже стелилась длинная лента Южной трассы.

Байкеры лишились двух из пяти машин, и, может быть, от погони удастся оторваться. А может быть они даже доедут до Нью-Рима. В любом случае, Тим помнит о пеленге. Основная задача сейчас – тянуть время как можно дольше, как можно дольше оставаться в живых.

Фил увидел, как на экране возникают ещё три метки – оставшиеся в распоряжении байкеров машины не торчали без дела у бара, они медленно, но верно сокращали расстояние до астронавтов.

Фил прибавил скорость, машину начало бросать из стороны в сторону и Филу даже показалось, что очень сильно ослабленный силовым барьером ветер начинает сказываться на устойчивости байка. Тогда Фил отыскал управление гравитационными решётками и увеличил генерируемое ими поле. Машина приобрела большую устойчивость, но скорость заметно упала – байк Тура пронёсся мимо с такой скоростью, словно Фил стоял на месте. Фил принялся колдовать со скоростью и гравитацией. Это помогло, но не очень. Всё-таки, он не был водителем. И уж тем более не был байкером. На высокой скорости машина начинала вести себя непредсказуемо, а гравитационные решётки то ли работали иначе, чем на корабле, то ли виноват во всём был его собственный пояс – может быть, его поле начинало как-то влиять на поле машины. Кроме того, в кабине торчала какая-то непонятная железяка, что-то такое, чему в байке находиться совершенно не полагалось. Она задевала плечо и мешала управляться с рычагами.

Фил присмотрелся и обалдел. Неизвестная железяка оказалась очень даже известной ему. Это был крупнокалиберный корабельный пулемёт, который устанавливается на полицейских флаерах. Непонятно, как он мог оказаться у байкеров...

Рычагов управления у пулемёта, естественно, не было. Вместо них торчали две приваренные трубки, за которые можно было оружие в небольших пределах поворачивать. На одну из них была выведена рукоять для стрельбы – обычная рукоять, как раз от такого вот пулемёта.

Фил готов был принять то, что нижники Олд-Сити снюхались с этими отморозками. Он даже готов был поверить, что «Ташико-Морок» сотрудничает с ними. Но заподозрить в продаже пулемёта кого-либо из астронавтов он был просто не в состоянии.

Пулемёт явно не был куплен в цеху, там его снабдили бы более подходящим приспособлением для поворота, нежели две грубо приваренные трубы. Да и не могло быть у байкеров денег на пулемёт. Этот либо снят со сбитого флаера (а такого Фил что-то не мог припомнить), либо куплен у кого-то из легунов (в это Фил не мог поверить).

– Пулемёт, значит? – громко и злобно выкрикнул Фил. – Это хорошо! Это мы сейчас испробуем!..

Фил посмотрел на экран радара – преследователи были уже в миле от них. Но на этом же экране он увидел неожиданно появившуюся россыпь светящихся точек. Было их штук пятнадцать, и неслись они прямо навстречу Филу и Туру, как раз со стороны Нью-Рима. И по скорости их сразу же становилось понятно, что это не патрульные или грузовые вездеходы.

Рядом с машиной Филадельфия появился байк Тура. Он указывал куда-то вперёд и делал рукой какие-то непонятные жесты.

– Знаю, знаю я, – проворчал Фил. – Вижу уже... твою мать, куда, к чёрту, подевался разъём с моей маски?!

Продолжая одной рукой удерживать рычаг, Фил торопливо пошарил на приборной доске и отыскал водительский шлем. Срывать, задерживая дыхание, маску и надевать шлем пришлось на ходу. Фил не был водителем, во время этой процедуры он случайно дёрнул рычаг и его байк едва не влетел в силовой барьер справа от трассы. Но зато теперь он мог слышать и разговаривать с Туром, даже если в его машине и не было водительского шлема – передатчик байка позволял связаться и с браслетом. Правда, преследователи тоже могли их слышать – Фил не был до конца уверен, что разберётся с этим передатчиком, – но это уже несущественно.

– Тур, слышишь меня? – заорал Фил.

– Слышу, гад! Верни машину, сука! – это был, конечно, не Тур, а один из байкеров.

– Вы находитесь на частоте, захваченной в данный момент самыми крутыми полицейскими Эйр-Йорка! – строгим и совершенно серьёзным голосом произнёс Фил. – Освободите её, на хрен, немедленно! Алло, Тур! Слышишь ты меня или нет?

– Слышу, – отозвался Тур.

– Делай, как я, – приказал Фил, стараясь перекрыть поток ругательств, несущийся, кажется, одновременно из сотни глоток. – Ты понял меня, Тур? Делай, как я! Понял?

– Да понял я, Фил! – ответил Тур.

– Ну, тогда приготовься, и-и-и... Р-р-раз!..

Фил резко затормозил, байк крутануло и развернуло как раз в сторону преследователей. Тур повторил манёвр, едва не зацепив колесом машину Филадельфия. Он ещё не знал, что задумал командир.

Фил успокоил дыхание. Рука легла на рукоять пулемёта, слегка развернула его. Фил машинально отметил, что двигается оружие легко, и руке очень удобно. Шевельни пальцем – и всё.

И тут же послышался рёв моторов и прямо на Филадельфия выскочили преследователи. Они не поняли, что он развернул машину. На своих экранах они разглядели только то, что астронавты остановились.

– Добро пожаловать на небеса!!! – проорал Фил, нажимая на гашетку.

Преследователи шли ровной цепью, занимая всю ширину шоссе. Первыми выстрелами правую машину отшвырнуло назад, огонь мгновенно охватил байк и он взорвался ещё до того, как Фил пальнул по второй машине. Очки Филадельфия, надо полагать, находились у байкеров на жаловании. Потому что от яркой вспышки они моментально переключились на обычный режим, и Фил теперь мог видеть лишь то, что озарялось светом полыхающего байка. Но и этих мечущихся отблесков было достаточно для того, чтобы развернуть пулемёт, прицелиться и выпустить ещё одну очередь. Правда, она оказалась короткой – пять-семь выстрелов, не больше: закончились патроны. И все они, кроме одного, легли точно в цель – второй байк, поднятый пламенем взрыва, перевернулся и вцепился в силовой барьер. Защитное поле отбросило его назад, машина несколько раз перекувырнулась, разбрасывая вокруг искры, и замерла.

На долю третьего преследователя досталась всего одна пуля. Да и та пришлась по колёсам. Байк к тому моменту уже почти остановился, и особого вреда водителю этот выстрел

не нанёс. Он высунулся из машины и дважды выстрелил в Филадельфия, прежде чем тот успел выхватить пистолет и успокоить неугомонного байкера.

Фил увидел подбегающего к нему Тура и прижал палец к губам – он не хотел, чтобы их разговор услышали преследователи. Тур понимающе кивнул и вопросительно посмотрел на Филадельфия. Тот в ответ указал пальцем на ближайший столб линии силовой защиты. Тур ещё раз кивнул и без лишних вопросов кинулся к нему, доставая на ходу полицейский жетон.

По пути Тур наклонился, подобрал выпавший из рук убитого байкера пистолет, глянул на него и pokrutil головой – то ли патронов там не было, то ли с пистолетом было что-то не в порядке. А оружие астронавтам сейчас очень не помешало бы.

Они не могли возвращаться в Олд-Сити. Трое преследователей убиты, но их было больше, чем трое. К тому же среди них находились и полицейские, и у Филадельфия не было никакой уверенности в том, что их не встретят пулемётными очередями из патрульного вездехода. Направляться же в Нью-Рим тоже было нельзя, на пути астронавтов поджидали байкеры. То есть, не поджидали – на экране радара было хорошо видно, что они достаточно быстро приближаются.

Фил стащил с себя очки и попытался рассмотреть, что с ними случилось. Но во-первых, он ничего не понимал в подобной технике, а во-вторых, даже если бы и понимал, то ничего не разглядел – из-за пыли и песка приходилось щуриться и Фил с трудом видел даже рычаги управления. Тогда Фил несколько раз стукнул очами о колено, нацепил их и с удовлетворением убедился, что они заработали. В том смысле, что инфракрасный режим снова был включён, хотя и в прежнем, непривычном и диком варианте.

Фил смотрел, как Тур опускает жетон в прорезь пропускной системы на столбе линии защиты; как нетерпеливо притоптывает, ожидая, пока жетон выпадет обратно; как в защитном поле открываются ворота – достаточно просторные, чтобы можно было проехать даже на вездеходе; как ворвавшийся на трассу ветер радостно швыряет клубами пыли и песка, едва не сбивая с ног спешащего к своему байку Тура. Фил рванул рычаги управления и байк послушно нырнул в мельтешащую круговерть царившего за пределами Золотого Треугольника природного хаоса. Видимость сразу упала, теперь уже в пяти ярдах ничего нельзя было разглядеть – тучи песка и пыли словно бы устроили пляску перед самым носом машины, радуясь неожиданным гостям. Фил помнил, что южнее должен находиться Кратер Галилея – здоровенная впадина в полторы-две мили глубиной и миль двадцать в диаметре. Ветер дул с севера и сейчас они с Туром находились под пусть и слабой, но защитой силового поля, сдерживающего натиск стихии. Но скоро они отдалятся от Южной трассы, и защита эта исчезнет. А в кратере Галилея, может быть, ветер будет не так силен, как на равнине. Единственное, что сейчас тревожило Филадельфия, это то, что от юго-западного склона кратера идёт широкий каньон протяжённостью около четырёх миль, и выходит он прямо к Хаосу Гидаспа. Похоже, что именно этим каньоном и пользовались байкеры, чтобы попасть в Олд-Сити. Но выбирать не приходится, другого пути у астронавтов всё равно нет.

Двигатель байка натужно ревел, порывы ветра по мере отдаления от силового барьера делались всё ощутимее, машину бросало из стороны в сторону. Филу пришлось усилить поле гравитационных решёток и скорость немедленно упала. На экране радара он видел, как преследователи тоже покидают пределы Золотого Треугольника. Но сделали они это не в том же месте, что и астронавты. Да они и не могли съехать с Южной трассы там же – ворота, открытые с помощью полицейского жетона, через три минуты сами собой закрываются. И преследователи, очевидно, подорвали ближайший столб барьера. То есть, те преследователи, которые двигались им навстречу, со стороны Нью-Рима.

На экране радара хорошо было видно, что с запада появились ещё три объекта. А по тому, что шли они намного медленнее байкеров, и что свободно покинули Западную трассу сразу же, едва астронавты отделились от силового барьера, становилось понятно – без полицейских тут

не обошлось. Фил хорошо помнил двух парней в полицейской форме нижников и патрульный вездеход, торчавший перед самым баром. Наверняка у них и жетоны имеются, тоскливо подумал Фил.

Ему сейчас не хотелось разбираться, что происходит в этом мире. Переодетые ли это байкеры, или же настоящие копы, или же местные бандиты из Олд-Сити – неважно. Сейчас главное – выжить. Выжить во что бы то ни стало. Иначе всё, что они с Туром узнали, не будет иметь никакого значения. А ведь узнали они немало – пулемёт от флаера, полицейские и транспортники «Ташико-Морок» в одной компании с байкерами... неладное что-то творится на Марсе...

– Фил! – крик Тура заставил вздрогнуть.

– Что? Ах, чёрт!.. – Фил глянул на экран радара, торопливо обернулся – убедиться, – затем резко затормозил и врубил задний ход.

На экране было хорошо видно, что байк Тура остановился ярдах с двухстах позади, и от него движется крошечная точка – такая метка бывает лишь если засекаешь личный браслет человека. Самого Тура пока ещё видно не было, чёрта с два разглядишь что-нибудь в этой пылевой мгле. Но Фил продолжал сдавать назад, поближе к тускло мерцающей метке.

Через полминуты он разглядел тёмную массу, пробирающуюся сквозь вихри песка. Фил притормозил и, едва товарищ ухватился за поручень, опять дёрнул рычаги и на всех парах понёсся дальше, вперёд.

– Горючее кончилось, – запыхавшись объяснил Тур, пытаясь устроиться на заднем сиденье. Это ему удавалось с трудом, машину бросало из стороны в сторону, ветер пытался столкнуть с сиденья, а налипающий на всё, что можно, песок мешал даже ухватиться как следует за поручень.

– Я так и подумал, – кивнул Фил, и бросил взгляд на приборную доску. У него самого горючего оставалось миль на десять, не больше. Потом – ножками, ножками... Там, среди трещин и камней кратера Галилея, их будет сложнее отыскать. Хотя, конечно, тоже можно, особенно по пеленгу, браслеты легко будут засечены байкерами. Но избавляться от них нельзя. Не будет браслетов, преследователи их, может быть, и не найдут. Но их не найдут и свои...

В ответ на слова Тура о горючем, байкеры разразились радостными воплями. Голоса их накладывались один на другой, и сложно было понять, что именно они кричат. Но в целом суть высказываний была такова, что вскоре они астронавтов порвут на мельчайшие клочки, потому что теперь-то уж им не уйти. Фил убавил напряжение гравитационных решёток – машина и так получила дополнительный вес за счёт Тура, и сцепление с почвой было достаточным.

– Внимание! – строго произнёс Фил. – Объявляется тендер на поставку горючего для байка сил космической полиции! Победитель получит возможность поцеловать колесо космического полицейского байка!

Ответ на его шутку был дан мгновенно; не один ответ, но ни одного приличного и вселяющего надежду на светлое будущее.

Внезапно позади всё озарилось яркой вспышкой, хорошо видимой даже сквозь пылевые вихри, и в шлеме раздался озлобленный донельзя вой.

– А не фига было в байке взрывчатку возить! – радостно заорал в ответ Тур. – И таймеры были, представляешь? – он дотянулся и хлопнул Фила по плечу. – Для линии силовой защиты приготовили, суки! Ничего, это будет вам уроком!

– Внимание! – явно веселясь продолжал Фил. – Два крутых астронавта сил космической полиции объявляют конкурс на звание самого коррумпированного полицейского Олд-Сити и транспортника «Ташико-Морок».

– Победитель получит целый ящик байкерских яиц, – радостно подхватил Тур. – Яйца хорошие, большие и круглые. Их можно катать по всей Южной трассе!..

– Сейчас мы ваши яйца раскатаем! – прозвучал полный злобы ответ.

– Ваше заявление расценивается, как давление на членов жюри, – с готовностью отозвался Фил. – Вы будете дисквалифицированы за неуважение к организаторам конкурса.

– Посмертно, – добавил Тур.

– А если серьёзно, парни, – спокойно продолжил Фил, – я предлагаю вам сдать. Гарантирую, по крайней мере, что вы не получите от нас пулю в лоб, как трое ваших приятелей, навсегда оставшихся на Южной... Ч-ч-чёрт!..

Крупный камень неожиданно вынырнул у самого колеса. Фил не успел отвернуть и наехал на него. Байк дёрнуло, мотануло в сторону и машина начала крениться. Затем последовал несильный удар и Фил через рычаги управления пальцами ощутил отвратительный и безнадежный хруст железа.

Фил выпустил рычаги и байк, окончательно лишённый управления, рухнул на бок. Удар был не очень сильным, но не это главное. Главное, что они остались без машины. Фил выбрался из опрокинутого байка и отыскал взглядом Тура.

Тур был рядом, ярдах в двух. Он тяжело поднимался на ноги и зачем-то отряхивался, словно песчаная буря не залепит его вновь песком с ног до головы. По-видимому, он был цел и невредим, просто не удержался в кабине. Впрочем, если бы Фил не сжимал рычаги управления, его бы тоже выкинуло наружу.

Ветер неожиданно ослаб. Словно песчаная буря решила вдруг на несколько секунд утихнуть, чтобы набрать сил перед следующим ударом. Фил сразу же почувствовал себя незащищённым, словно мутная круговерть могла уберечь их от преследователей. Нет конечно, их и без того нашли бы... А сейчас хотя бы клубы пыли сделались менее густыми, и теперь даже можно было более или менее разглядеть, что творится вокруг и где они вообще находятся. Пользы от этого, правда, никакой...

Фил pokrutil головой, пытаясь определить направление. По-видимому, кратер находился уже где-то рядом. Но идти к нему пешком было глупо и бесполезно.

– И что теперь делать? Есть предложения? – спросил Фил у Тура.

Тот промолчал. Он стоял к Филу боком и голова его была слегка запрокинута назад, как будто Тур разглядывал что-то в небе, что-то находящееся над горизонтом, всё ещё скрытым тучами пыли. Потом Тур вдруг вскинул руку, словно указывая куда-то вверх.

Фил присмотрелся, однако в этих идиотских очках ничего нельзя было толком разглядеть. Но потом он понял, что в небе, совсем невысоко над взбесившимися красными песками, стремительно набухает какая-то тёмная масса. Она быстро приближалась, увеличиваясь в размерах, затем неожиданно подалась влево и из неё выхлестнул казавшийся ослепительно-белым огненный сгусток. Сгусток этот ударил куда-то за барханы, рассыпался искрами, взметнулся вверх огненными клубами, мгновенно разрывающимися и уносимыми стремительно ослабевающим ветром.

Фил оторопел. Он не мог понять, что это такое. До тех пор, пока водительский шлем не заполнил перекрывающий испуганную ругань байкеров истошный и визгливый крик Изи:

– Банза-а-ай!..

Глава третья

РЕЙД

Рассвет за окнами набирал силу. Песчаная буря стихла и, как это всегда бывает после неё, поверхность планеты казалась мирной и спокойной, отдохнувшей, разрядившей за ночь свою злость барханами, слоем пыли и песка на улицах Золотого Треугольника. Но сейчас уже пыль и песок эти были нестрашные, красноватые языки их устало стелились по дорогам и мостовым, напоминая выдохшегося зверя, злобно бушевавшего всю прошлую ночь. Автоматические уборщики собирали его в кучи и вывозили за город. И дорожное покрытие вновь начинало выделяться на фоне песков строгой тёмно-серой лентой. Даже воздух сегодня казался чище и прозрачнее. Каждый уголок Марса снова был приветлив и доброжелателен. Чего нельзя было сказать о начальнике четвёртого полицейского участка Эйр-Йорка капитане Мигеле Лучано.

– По идее, Фил, – говорил капитан Лучано, – я должен бы посадить и тебя и всю твою команду. И командира «Морды», кстати говоря, тоже, – Лучано оторвал взгляд от экрана компьютера и посмотрел на стоящего перед ним Филиппа Кэссиди.

Майор Кэссиди молчал, всем своим видом показывая, насколько ему неинтересен этот разговор.

– Сам посуди, – говорил капитан Лучано, делая между предложениями довольно продолжительные паузы, чтобы дать возможность Филу оправдаться. – Сам посуди: драка в баре Олд-Сити «Самовар», угон двух байков, стрельба из крупнокалиберного пулемёта на Южной трассе, несанкционированный вылет флаера... впрочем, это уже не к тебе, это уже к Тиму Роккуэлу... с ним пусть первый участок разбирается, с меня хватит и твоего экипажа... да? – капитан вопросительно задрал брови.

Майор Кэссиди молчал.

– Кроме того, – не дождавшись ответа продолжил капитан, – насколько я понял, накануне вы с полковником Маркусом устроили на Восточной трассе автомобильные гонки, что послужило причиной двух ДТП. Повреждён грузовик «Ташико-Морок» и большой участок стены, отгораживающий Пригород от трассы.

– Разрешите задать вопрос, сэр? – лениво разлепил губы Кэссиди.

– Да-да, конечно! – оживился капитан Лучано. – Объясни, Фил, что творится?

– Этого я не могу объяснить, сэр, – пожал плечами Фил. – Но я хотел спросить, были ли компанией «Ташико-Морок» предъявлены претензии?

– Претензии? – немного растерялся Лучано. – Нет, не были... А причём тут это?!

– Это я так, сэр, поинтересовался, сэр, простое любопытство. Сэр.

– Нет, претензий не было, – капитан Лучано дёрнул щекой. – От «Ташико-Морок» – не было.

– А от кого были? – Кэссиди заметно оживился.

– От наших техников, – нахмурился капитан Лучано. – Два столба на Южной трассе оказались взорваны.

– Это не мы, – спокойно возразил Кэссиди. – У нас есть жетоны, сэр. Если вы не в курсе...

– Я в курсе! – капитан Лучано сдвинул брови. – Я очень даже в курсе! Жетоны у вас есть – пока есть, господин майор! – да, знаю! А вот, чего я не знаю: почему вы не вылетели на задание, майор Кэссиди? Вам был дан ясный приказ!

– Виноват, сэр, – тон Филя по-прежнему был холоден. – Больше не повторится, сэр. В следующий раз я поведу корабль один, сэр.

– Куда поведёшь?! – опешил капитан Лучано. – Почему один?!

– Я имею в виду, – пояснил Кэссиди, – что если в следующий раз моя команда опять будет без причины задержана планетарной полицией, – Кэссиди постепенно накалялся, накручивая себя, – я оставлю их в тюрьме и вылечу на задание один, сэр. Потому что всё это меня задолбало, сэр! По самые гланды!! Сэр!!!

– Ты мне здесь не ори, – очень тихо попросил капитан Лучано и добавил: – Пожалуйста. Кэссиди, не глядя на капитана, отдал честь и окаменел лицом.

– Чего ты заводишься, Фил? – Лучано явно был намерен говорить исключительно по душам. – Ну посадили твоих, так ведь отпустили же! Ну дал я приказ арестовать на сутки твой корабль – на сутки, не навсегда же! А зачем ты начал стрелять на Южной трассе? Да ещё из корабельного оружия!..

– Торпеды не было, – ответил Фил.

– Какой торпеды?!

– Вакуумной. Была бы торпеда – подорвал бы всех, на хрен... сэр...

– С тобой совершенно невозможно разговаривать, – посетовал капитан Лучано, углубляясь в изучение экрана компьютера. – И я тебе говорю правду, я бы всех вас посадил. С большим удовольствием. Если бы не добытая вами информация...

Фил криво улыбнулся.

– ...Возможно, мы узнаем, наконец, откуда в Кратер Да Винчи попали необходимые материалы... И что вообще творится на Марсе... – капитан поднял глаза, увидел ухмылку Фила и тон его мгновенно сделался злорадным: – К сожалению, информация сырая и нуждается в проработке. Один из арестованных на допросе показал, что в Каньоне Офир тоже нездоровая обстановка. Что именно, он не знает, и выяснить это предстоит вам.

– То есть? – Фил перестал улыбаться.

– Арестованный оказался очень уж говорливым. Мы узнали много интересного. В частности, сегодня должен прибыть пиратский корабль, – теперь уже ехидно улыбался капитан Лучано. – На планету они, естественно, не сядут – сбросят бот. Скорее всего, сбросят они его в Каньон Офир. Ваша задача: отследить бот... или что там у них будет... отследить и доложить! Что везут, куда везут, кому везут... Если выясните, для чего везут – вообще здорово. Ну и если вы, в своей обычной манере, – развёл руками капитан Лучано, – перемолотите несколько... э-э-э... правонарушителей, в этом большой трагедии я не вижу.

– Почему мы? – спросил Фил. – Почему не планетарная полиция?

– Каньон Офир, Долина Маринера – это полторы тысячи миль. Какая планетарная полиция, ты о чём?! – усмехнулся Лучано. – Они туда доберутся только через пять суток. А рядом с Офиром – всего миль двадцать южнее – начинается Хаос Кандора, где даже космический корабль спрятать можно.

– Хм... Да, действительно... – кивнул Фил. – Ну тогда я «Отбой» как раз в Хаосе Кандора и посажу.

– Нет, – Лучано помотал головой. – Мы не знаем, что там сейчас творится, в этой Долине Маринера. Мы уже лет сто этого не знаем, если не больше... Поэтому показываться вам там без нужды не следует. Вот, смотри, – капитан развернул монитор так, чтобы он был виден Кэссиди, и вывел на экран карту Марса. – Вы стартуете, выходите на орбиту и потом возвращаетесь. Входите в атмосферу в районе северной части Лунного Плато, вот сюда, и – на юг. Сядете вот тут, в Каньоне Гидры, от него до Кандора меньше пятидесяти миль, туда уже будете добираться на флаерах. Потом сюда вот, до Офира, это ещё примерно миль сто семьдесят... ну, чуть позже я вам всё объясню.

– Погоди, Мигель, – не понял Фил. – Ты сказал: на флаерах?!

– Не радуйся, – ответил Лучано, – на флаерах – это значит пойдут три команды. Три корабля: твой, Роккуэла и Мартыновой. Это совместная операция генеральной прокуратуры

и всех участков Эйр-Йорка. Поэтому и три корабля: наш, первого и третьего участков. Три команды. Старший – ты.

– Почему я?! – возмутился Фил. – У Елены полная команда, у Тима тоже. А у меня?

– Кстати, насчёт твоей команды, – оживился Лучано. – После рейда будет тебе пополнение – врач.

– Кто такой? – нахмурился Фил.

– Землянин, – заявил Лучано. – Переехал к нам три месяца назад. Работал на Земле, в космической полиции. Мы его проверили.

– Земляшка?! – сморщился Фил. – Этого мне только не хватало! Нет, не возьму!

– Возьмёшь, – успокоил его Лучано нехорошим голосом.

– Не возьму!

– Фил, ты подал мне уже восемнадцать рапортов с жалобой на неполную команду полицейского космического корабля «Отбой». Было дело?

– Ну, было, – неохотно признался Фил. – Но я же!..

– Значит, возьмёшь! – Лучано хлопнул ладонью по столу. – И на этом разговор окончен! Всё! Через два часа чтоб был здесь! Ясно? Мартынова и Роккуэл тоже будут, обсудим детали операции. Вылет сегодня ночью. И, вот ещё что, Фил... – Лучано вдруг понизил голос и стал необычайно серьёзен. – Ты там поосторожнее, ладно? Не нравится мне это всё. Если бы прокуратура меня за горло не взяла, я бы и не посылал вас туда. Кто его знает, что там у них, в долине этой треклятой, происходит, верно?

– Верно, – вздохнул Фил. – Мы не знаем даже, что происходит у нас здесь. Активность байкеров падает, но вымирать они отнюдь не собираются. Значит, кто-то им помогает.

– Запрета продавать товары байкерам не существует, – напомнил Лучано.

– Да? – усмехнулся Фил. – А откуда у них на эти товары деньги? И нападения на транспорт сократились, хотя и стали намного более жестокими. А рейд в Хаос Гидаспа? Помнишь? Там же байкеров почти не было, словно вымерли все. Брошенные дома, пустые каньоны... Куда они делись?

– А полгода назад? – напомнил Лучано. – Когда твой «Отбой» и «Сокол» вынуждены были изменить курс и направиться к Фобосу. Помнишь атаку пиратов на исследовательские лаборатории? Ведь так и не выяснили до сих пор, каким образом их корабль мимо патруля проскочил. В космосе спрятаться негде, не хуже меня знаешь. И учти, что трое из убитых пиратов значились в наших картотеках с пометкой «байкер».

– Считаешь, что они стартовали с планеты? – спросил Фил.

– А откуда ещё?! – пожал плечами Лучано. – Больше неоткуда. И кто-то им сильно помогает. И оружием, и деньгами, и прочим... Ты же не думаешь, что пулемёт на байке, на котором ты вчера гонял по пескам, им продали ле... астронавты.

Фил ничего не ответил. Этот вопрос не давал ему покоя уже несколько часов.

– Кстати, – Лучано пристально посмотрел на Кэссиди. – Генеральный прокурор настаивал, чтобы эту операцию возглавил именно ты. Майор Кэссиди, мол, вскрыл это дело, ему, мол, теперь и решать. И ещё прокурор намекал на вероятное повышение тебя в звании. Ну, само собой, если операцию проведёшь успешно.

– Чёрт меня вчера дёрнул тащить в этот Олд-Сити, – проворчал Кэссиди.

– Объясни мне, Фил, – попросил капитан Лучано, – почему ты со своей долбанной командой самых отъявленных разгильдяев постоянно влипаешь во всякое дерьмо, из которого всегда выходишь в выигрыше? Как такое возможно вообще?! Почему, а?

– Просто у меня, – спокойно ответил майор Филипп Кэссиди, – лучшая команда на этой планете.

* * *

Стрелка, Тур и Изя торчали в столовой. Оккупировав столик в углу, они вполголоса вели какой-то, судя по лицам, не очень весёлый разговор. Столовая была свободна, за столиком в центре трое сержантов-нижников обедали перед выходом в патруль, и всё. Они изредка бросали взгляды на астронавтов и непонятно было, то ли осуждающие это взгляды, то ли сочувствующие, то ли восхищённые. А может, и всё сразу; некий сплав, которым обычно потчуют летунов нижники.

Фил подошёл к столу и посмотрел на команду.

Выглядят, вроде бы, ничего, подумал он. Отдохнуть, конечно, не отдохнули, но и с ног не валятся.

– Ну, что? – жалобно посмотрел Тур на Фила. – Посадят? Или выгонят? Или в отпуск?

– Расстреляют, – высказал предположение Изя.

– Не, медали дадут, – возразила Стрелка.

– Ага, это нам с тобой, – с готовностью подхватил Изя, – а Туру – внеочередное звание...

– Рядового, – мрачно закончил Тур. – С переводом в технический персонал, стабилизаторы корабельные драить...

Фил опустил на стул, положил ладони на стол и медленно, по очереди оглядел всех троих.

– Ну, не тяни жилы, командир! – поморщился Тур. – Когда расстреляют-то? На закате? Или до утра подождут?

– Ночью вылетаем, – негромко объявил Фил.

– Орбита? – спросила Стрелка.

Фил молча кивнул. Но кивнул он не сразу, после секундной паузы. И это заметил Изя.

– Судя по твоему выражению лица, – медленно проговорил он, – летим мы совсем не на орбиту.

– Это я вам объявлю позже, – ответил Фил. – Официально: выходим на орбиту, обычное патрулирование пространства.

– А потом? – напирала Стрелка.

– Потом будет потом, – Фил строго посмотрел на неё.

– Простите, сэр, – ответила Стрелка. – Всё ясно, сэр.

Все трое подобрались, лица их сделались серьёзными. По тону Кэссиди они мгновенно поняли, что отдых закончился и начинается работа.

– Проверить оружие и боекомплект, – тихо отдавал распоряжения Фил. – Во флаер – тройной боезапас.

– Есть, сэр, – кивнула Стрелка.

– Аккумуляторы, генераторы, радары, связь, – Фил посмотрел на Изю.

– Есть, сэр, – ответил тот и спросил: – Частота, коды доступа и позывные?

– Получишь, – пообещал Фил и перевёл взгляд на Тура: – Горючее, свежие карты, метеосводки, метеоритные прогнозы.

– Есть, сэр, – ответил Тур, – скачаю. Когда старт?

– Я сообщу, – Фил поднялся из-за стола. – Не раньше, чем часа через три; через два часа я буду у Лучано на совещании. Можете заглянуть домой. Всё! Свободны!..

При этих словах все трое мгновенно встали и отдали командиру честь. И никто из них не спросил, долго ли продлится полёт – это считалось дурной приметой. И никто не зубоскалил, не отпускал шуточек, не хлопал Фила по плечу – теперь это были экипаж и командир, теперь начиналась работа.

Обычная работа.

Целью которой было сохранение порядка и даже самой жизни в Золотом Треугольнике.

* * *

Золотой Треугольник с высоты действительно казался золотым; равносторонний, сияющий яркими огнями прямых, как струна, междугородних трасс, он раскинулся в Жемчужном Заливе между кратерами Галилея и Барсукова. Северная его вершина (город Эйр-Йорк) была нацелена на Долину Ареса, юго-западная (Олд-Сити) являлась наиболее близкой точкой к Долине Тиу и Хаосу Гидаспа – месту обитания мертвяков и байкеров. Третья же – юго-восточная – вершина Треугольника (Нью-Рим) была расположена в наиболее безопасном месте, подальше и от не всегда спокойных фермеров, и от всегда беспокойных байкеров и мертвяков.

Пространство, ограниченное огнями трасс (так называемый «Пригород»; не пригород какого-либо из городов, а просто – Пригород, общий для всего Золотого Треугольника), светился значительно слабее – здесь располагались космодромы, заводы и частные владения.

Официальная дата возникновения Треугольника: двести пятидесятый – с момента основания Эйр-Йорка, самого молодого из трёх городов, окончательно завершившего строгую геометрическую картину. Причина же появления этого города была очень простой: вода. На Марсе её всегда было очень мало. Можно даже сказать, почти не было. По этой же причине и затянулось терраформирование планеты. Единственное место, где удалось её обнаружить: Долины Маринера и Тиу. Там-то и возникла первая цивилизация, уничтоженная впоследствии «Посланником Ада». И если бы не сумасшедшая идея, подсказанная ещё в двадцатом веке одним не менее сумасшедшим американцем, и извлечённая из небытия в конце двадцать второго ещё более сумасшедшим марсианским геологом, жизнь на Марсе вновь прекратилась бы на многие века.

Кольца Сатурна. Громадные глыбы водяного льда, несущиеся в пустоте. И крохотные двухместные космические корабли, выхватывающие сотни тысяч тонн замёрзшей живительной влаги из непрекращающейся карусели и транспортирующие этот лёд на Марс.

Завод по переработке и очистке воды, трубопроводы в Долину Ареса и в оба города Золотого Треугольника – вот причина возникновения Эйр-Йорка. Такой важный объект, как водоочистительные сооружения, требовал очень серьёзной охраны. А поскольку в воде нуждались и Олд-Сити с Нью-Римом, и фермеры Долины Ареса, то сооружения эти были построены примерно на половине пути между ними. И немного южнее завода возник Эйр-Йорк, город полицейских, на центральной площади которого был установлен памятник незабвенному Исааку – американцу, предложившему в своё время столь сумасшедший проект.

По этой причине некоторые считали годом возникновения Золотого Треугольника двести сорок девятый – год завершения постройки завода по очистке и переработке воды. Но многие называли иную дату: две тысячи двести пятьдесят второй, когда было завершено строительство двух трасс, связывающих Эйр-Йорк с Олд-Сити и Нью-Римом, и когда, собственно, появилось такое понятие, как Пригород.

Широкие бетонные полосы прорезали красновато-бурые марсианские пески, распорили их прямыми линиями многорядных дорог. На которых тут же принялись хозяйничать байкеры и мертвяки – короли песков и руин, безжалостные грабители, жестокие и беспощадные. Со временем вдоль трасс протянулись линии силовой защиты, сияющие ослепительными огнями. Грабежей и разбоя стало гораздо меньше, но совершенно они не прекратились – байкерам всё равно нужны были и оружие, и продукты, и топливо. Единственное, в чём они не нуждались – вода, которой в Долине Тиу было хоть и не много, но достаточно. Поэтому налёты на транспорт продолжались. Однако теперь достаточно было регулярного патруля на дорогах и в прилегающим к ним районах. А что касается проникновения в район космодромов или заводов, то они

практически сошли на нет – и то, и другое охранялось и полицией, и частной охраной. Именно тогда и возник Пригород.

Состоятельные люди, заботящиеся о своей безопасности, предпочитали покупать участки даже не в Нью-Риме – несостоявшейся столице Марса, – а на пространстве, ограниченном междугородними трассами. И центр Золотого Треугольника медленно, но верно начал озаряться огнями частных владений.

Заводы и космодромы являлись наиболее охраняемыми объектами на планете. А следовательно, и наиболее безопасными. И близкое соседство космодромов и предприятийнисколько не смущало здешних жителей. Немного беспокоило, зато безопасно. И не надо тратиться на охрану: полицейский патруль, заодно с заводами и кораблями, берёт и спокойствие тех людей, у кого хватило денег на небольшой особнячок.

Всего Золотой Треугольник насчитывал от силы полтысячи частных владений (около полусотни которых порой сдавались внаём), заселённых двумя тысячами человек. Спокойная мирная жизнь, размеренная и безопасная. Люди здесь отдыхали и им не было дела до того, что творится за соседним забором. На то существовала полиция, это были уже их проблемы.

* * *

«Отбой» стартовал после захода солнца. Тур обожал такие вот поздние старты – когда на планету уже опустилась ночь, погасло бархатистое марево в небе, облака ещё подсвечены, но воздух уже тёмный. И тут поднимаешь гравитационным лучом корабль над стартовой площадкой, Пригород отпрыгивает вниз, во всё сгущающуюся тьму, а горизонт начинает выгибаться дугой и небо над ним вновь светлеет – разгораются облака, вспыхивают светлыми полосами пылевые вихри в вышине. И крошечный солнечный диск выскакивает над линией скал. Тур всегда в такие моменты наводил курсограф на солнце, и чёрная метка его точь-в-точь перекрывала сверкающий кружочек, оставляя по краям крошечные, едва заметные змеящиеся сполохи. Тур говорил, что это очень похоже на настоящее солнечное затмение, какое он видел однажды на Земле – Тур специально отправился туда в отпуск, посмотреть, что же это такое. И с тех пор Земля у него чётко ассоциировалась с солнечным затмением – единственным, что запомнилось и понравилось ему на прародине человечества.

На высоте пяти миль Тур включил систему внутреннего оповещения и объявил:

– Внимание! Наш корабль оживает! Просьба оставаться на месте хотя бы несколько минут. Выжившие после выхода на орбиту смогут продолжить свои дела.

А затем Тур запустил двигатели.

Чудовищное ускорение вдавило его в спинку кресла. Дышать сразу стало трудно, лицо одеревенело. Но Туру нравились такие старты, он экономил на этом горючее, которого вечно не хватало на самых важных операциях.

Туру приходилось быть очень внимательным. Кресло второго пилота пустовало, и в случае чего подменить его будет некому. Но и к этому за полгода он уже успел привыкнуть. И потом, пустовало не только кресло второго пилота – в расположенной прямо над головой стрелковой рубке оставалось незанятым и кресло второго стрелка.

«Отбой» (как и все полицейские патрульные корабли Золотого Треугольника) был рассчитан на экипаж из семи человек – командир, два пилота, два стрелка, врач и радист. Но в полиции редко бывает, чтобы кто-либо позволял себе роскошь быть специалистом узкого профиля. Кроме первого пилота – Тура – управлять кораблём могли ещё и Изя с Филом. С обязанностями стрелка могли справиться вообще абсолютно все (хотя Стрелка – первый стрелок – и не имела себе равных в этом деле). Обязанности радиста кроме Изи могли исполнять ещё и Тур с Филом. Единственный, в ком остро нуждался экипаж – врач. Далеко не всякий рейд

(или даже обычный патруль) обходился без ранений. К тому же, если быстренько заштопать лёгкую рану умели все, то не каждый разбирался в судебной медицине.

В рубку управления еле переставляя от тяжести ноги вошёл Фил.

– Ты что, совсем рехнулся? – злобно спросил он, рухнув в кресло второго пилота. – Ты на какой скорости стартовал?

Тур удивлённо посмотрел на Фила и молча ткнул пальцем в шкалу на приборной панели. Несколько секунд Фил озадаченно разбирался в показаниях, потом лицо его вытянулось.

– Что-то у меня со здоровьем не то, – пожаловался он. – Мне показалось, что ты рванул раз в пять быстрее, кости все так и болят.

Тур с каменным лицом взял микрофон внутренней связи и спокойно произнёс:

– Внимание! Всем членам экипажа, владеющим неисправными гравитационными поясами, рекомендую их отключить!..

– Ч-чёрт! – выругался Фил. Он торопливо нашарил на поясе пульт управления, отключил его и с облегчением вздохнул: – Вот ведь, проклятая штуковина! Я-то думал, она на отрицательной гравитации будет работать как надо...

– Выкини ты его, – посоветовал Тур. – У нас есть запасные. И очки свои с маской тоже выкини. Нафиг тебе такой мусор?

– Забыл, – признался Фил. – Замотался совсем. Заседание это, вылет, всё в спешке... Держи, – Фил протянул Туру конверт из плотной серой бумаги.

– Что это?

– Задание, – коротко ответил Фил.

– Почему в таком виде?! – опешил Тур. – Почему не прямо на комп?

– Секретность, – проворчал Фил. – Вскрывать только в присутствии командира. Я здесь, давай вскрывай. Хотя я и так уже знаю, куда нам лететь – в район северной части Лунного Плато.

– Так что, не вскрывать? – спросил Тур.

– Вскрой, пожалуй, – поморщился Фил. – Кто его знает, что они там – в прокуратуре – придумали...

Лететь действительно предстояло на Лунное Плато. Там нужно было опуститься до уровня верхних атмосферных слоёв, сбросить скорость до минимума, затем снизиться ещё больше – до трёх миль – и идти к экватору строго по границе между Лунным Плато и Землёй Ксанта. Достигнув Каньона Гидры предписывалось совершить там посадку. Дальнейшие инструкции – на усмотрение командира корабля. Программа маршрута прилагается. Всё.

– Какой идиот писал это? – Тур потряс в воздухе листом бумаги и кристаллом с программой.

– Кто-то из прокуратуры, – пожал плечами Фил. – А что?

Тур хмуро ткнул в гнездо кристалл, загрузил программу полёта и вывел её на экран.

– Кретины! – взорвался он. – Чтобы попасть в эту часть Лунного Плато, мне нужно совершить виток вокруг планеты! Я не разгоню корабль на таком участке! А чтобы снизиться до этой высоты, мне придётся совершить ещё один виток – гасить скорость, чтобы не поджариться в атмосфере!

– Да? – недоверчиво спросил Фил.

– Да! – с вызовом ответил Тур. – Они там, в прокуратуре своей, что, пользуются данными ещё до терраформирования Марса, что ли?! Они не знают, какая у нас плотность атмосферы? Да пошли они... – Тур отшвырнул листок в сторону и уставился в экран.

Фил тоже посмотрел на экран – любому было понятно, что совершить предписанный манёвр не удастся.

– Короче, так! – решил Тур. – Выходим в Ацидалийскую Равнину, а оттуда уже – на Лунное Плато. Иначе никак!

– Да делай ты, что хочешь! – воскликнул Фил. – Можно подумать, я тебя не прикрою в случае чего перед прокурором! Давай, работай! По времени только уложись.

– Есть, сэр! – ответил Тур.

И как раз в этот момент ожил передатчик: это вызывал корабль «Ласточка».

– Тур, это ты в рубке? – раздался голос пилота «Ласточки».

– Господь бог! – ответил Тур.

– Ты задание видел?

– Видел...

Фил понял, что сейчас опять начнётся возмущение составленной программой полёта – уже дуэтом, – недовольно поглядел на своего первого пилота и вышел из рубки управления. Тур даже не оглянулся, он превосходно знал, куда направился Фил: в стрелковую рубку, перекинуться парой слов со Стрелкой, которой в виду отсутствия видимого противника абсолютно нечего делать, а затем потащить её готовить и проверять флаер. Хотя, готовить там уже нечего, Стрелка всё приготовила. Значит, проверять. Потому что сейчас командиру, как и стрелку, делать тоже нечего. Командир корабля занят, в основном, ожиданием. Если, конечно, он хороший командир, у которого хорошая и исполнительная команда. Когда всё работает как надо, командиру остаётся только принимать решения в критических ситуациях. Которые, опять же, при хорошей команде и благоприятном стечении обстоятельств могут вообще не возникнуть...

Наругавшись вволю с пилотами «Ласточки» и «Морды», Тур удовлетворённо перевёл дух. Он превосходно знал, что эта частота никем не прослушивается, и поэтому мог спокойно высказывать свои мысли относительно происхождения на свет работников прокуратуры, сочинивших эту бестолковую программу перелёта. В котором, по сути, ничего сложного и не было. Тур, например, за минуту на пальцах рассчитал, куда и как надо идти, чтобы оказаться в нужном месте и в нужное время... ну, в почти нужное, скажем так – не суть. Главное, что полёт начался, корабль рвался ввысь и можно было пока что расслабиться и понаблюдать за искусственным солнечным затмением на экране. И правда, было очень похоже.

Однажды, когда Тур в баре рассказал об этой своей забаве, один из астронавтов – Мэрси Крантон, майор, судмедэксперт и корабельный врач «Рассвета» – сделался необычайно серьёзен и настойчиво принялся выспрашивать у Тура о его посещении Земли. Тогда Тур услышал очень много новых терминов: ностальгия на генетическом уровне, память предков, естественная среда обитания и так далее. Как вскоре (прямо тут же, в баре) выяснилось, Мэрси Крантон занимался научной работой в области завершения терраформирования Марса, и в лице Тура нашёл поддержку своим, прямо скажем, не всеми одобряемым идеям. Возложить свой живот на алтарь науки Тур не позволил – опять же, в том самом баре, которому и суждено было стать могилой надежд Мэрси Крантона.

Сейчас, механически отмечая курс корабля и внося необходимые корректировки, Тур усиленно размышлял, а может ли майор с «Рассвета» оказаться прав? И приходил к выводу, что не может.

На Землю Тура не тянуло совершенно, далась ему эта Земля! Ведь кроме солнечного затмения (явления, по сути своей, безобидного и даже красивого) на Земле существует ещё и такая, совершенно незнакомая жителям Марса штука, как дождь. А так же непонятным образом сопровождающие это явление природы боли в простреленных когда-то давно плече и груди. Сыплющаяся сверху водяная пыль или крупные капли сами по себе не так уж неприятны, с этим ещё можно как-то смириться. Но вот боли... А земляшки – ничего, не переживают. Узнав об этой беде, они понимающе так кивают: «А, ну это перед дождём...» Совершенно ненормальное население. И совершенно ненормальная планета. Сыро, тяжело, жарко, холодно... да-да – холодно! И это несмотря на то, что температура воздуха там намного выше. Но насыщенный влагой воздух делал любой ветерок холодным, продирающим до костей. Или горячим, выжимающим ручьи пота из каждой поры. Прибавьте к этому силу тяжести, посто-

янно равную стандартному режиму гравитационного пояса, опьяняющее количество кислорода в атмосфере... нет, только сумасшедший согласился бы жить на такой планете. Иное дело Марс. А уж тем более для пилота.

Даже представить себе невозможно, как управляются со своими кораблями земные пилоты. Повышенная гравитация, невероятно плотная атмосфера, высокая облачность... Совсем другое дело здесь...

Тур ощутил дрожь волнения. Он не был новичком, но это происходило с ним всегда, когда предстояло выполнить сложный манёвр. В такие минуты пилот словно бы превращался в корабль, сливался с ним, каждым нервом ощущая свою машину. И Туру всегда казалось, что в этот момент в бездушном железе каким-то необъяснимым образом пробуждаются самые настоящие жизнь и разум.

Почти каждый пилот испытывал подобные ощущения. По кабакам и барам ходило множество легенд на эту тему. Разбираться, какие из них являются правдой, а какие нет, ни у кого не было желания. Да это и так чувствовалось – глаза у пилота, рассказывающего о своём корабле, становились иными, словно речь шла о любимой женщине, о её капризах и привычках. И все эти разговоры велись вполголоса, словно рассказчик старался не обидеть ненароком родной корабль. И если он обходил молчанием какие-то моменты или не замечал неуместного вопроса, это всегда понималось и принималось. Никто не обязан вываливать о своей любимой всю подноготную, да ещё посторонним людям, в кабаке...

Тур невольно улыбнулся, видя на экране приближающуюся поверхность планеты. Она уже погрузилась во мрак ночи и висящая над поверхностью пыль слабо светилась, отражая солнечные лучи. Это было красиво.

Корабль нырнул в призрачное сияние, опустился ниже, и теперь уже не стало видно ничего, только показания радара давали возможность определить, где ты сейчас находишься. Зато теперь уже можно было полностью отключить маршевые двигатели и идти на антигравях.

Тур развернул корабль и повёл его на юго-запад. Что бы там ни думали о себе в прокуратуре сочинители программ, а управляться с кораблём Тур умел гораздо лучше них. И через полтора часа – ровно на десять минут позже предписанного срока – «Отбой» уже летел над Лунным Плато. А ещё через двадцать (вместо сорока – как планировали в прокуратуре) минут его невидимый гравитационный луч упёрся в дно Каньона Гидры – громадной впадины, глубиной почти в пять миль. Облака пыли, поднятые силой гравитационного луча, заволокли каньон от края до края и вздулись над ним едва видимым в ночи куполом. Внезапный ветер подхватил их и уволок на юг, в сторону Корпат. Но порыв ветра был несильным и недолгим, после него Каньон Гидры напоминал гигантскую чашу, наполненную лениво шевелящейся густой жидкостью. Корабль замедлил ход; пилот уменьшал напряжение гравитационного луча очень осторожно, готовый в любую секунду вновь увеличить мощность, едва возникнет хотя бы слабое ощущение крена, хотя бы предчувствие его. Пальцы Тура едва касались рычагов, ловя малейшее нарушение в привычной и никому кроме него самого незаметной мелодии вибрации корабля. Тур доверял приборам, но себе он (как и всякий настоящий пилот) доверял не в при- мер больше.

«Отбой» мягко опустился на грунт, Тур остановил двигатели, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Сейчас нужно было сделать глубокий вдох. Нужно было, непременно нужно, он всегда так делал. И выдыхая воздух сквозь плотно стиснутые зубы пилот чувствовал, как спадает нервное напряжение, как истончаются и пропадают невидимые нити, связывавшие его с родным кораблём.

Теперь они вновь были порознь – человек и корабль. До того самого момента, когда пилоту вновь потребуется оживлять многотонную махину, усилием воли и мощью двигателей поднимать её над грунтом, делать её вновь послушной, предсказуемой и родной. Сейчас этого

ощущения уже не было, корабль опять превратился в спящее существо, готовое лишь отслеживать сквозь дрему происходящее вокруг.

Тур ещё раз глубоко вздохнул, взялся за микрофон внутренней связи и произнёс:

– На планете. В смысле, сели уже, если кто не понял...

– Перестань паясничать, – откликнулся Кэссиди. – Мы с Изей вылетаем через десять минут. Будьте внимательны и следите за частотой.

– Есть, сэр! – хором откликнулись Стрелка с Туром.

Посидев немного в кресле и понаблюдав за отдаляющимся флаером – яркой точкой на экране радара, уходящей всё дальше и дальше к скалам на юге, – Тур вызвал Стрелку.

– Чем занимаешься? – поинтересовался он.

– В футбол играю, – ответила она.

– Я поднимусь? – спросил Тур.

– Давай, – согласилась Стрелка. – А то одной тут сидеть скучотища смертная...

Тур поколдовал с клавишами передатчика, настроил его таким образом, чтобы следить и за радаром и за связью можно было прямо из стрелковой рубки, и поднялся с кресла. Вообще-то, строго говоря, это было грубейшим нарушением устава – покинуть рубку управления. Но устав лётной службы явно писали те, кому никогда не доводилось выходить на патрулирование пространства. Кроме того, наблюдать за флаером скоро станет невозможно – когда тот окажется в Каньоне Кандора, отделённый от корабля сорокамильной полосой скал.

В стрелковой рубке было прохладно. Слишком прохладно. Тур зябко повёл плечами и недовольно пробурчал:

– Чего такой холод установила? Сделай теплее.

– Засну, – возразила Стрелка и широко зевнула.

– Дома надо спать, – наставительно произнёс Тур, усаживаясь в кресло. – Ночью. Желательно – одной.

– Ты чего сюда припёрся? – поинтересовалась Стрелка. – Глупости болтать? Рассказал бы что-нибудь интересное, что ли. Нам здесь ещё долго торчать...

Тур принялся рассказывать о составленной в прокуратуре программе перелёта, но Стрелка перебила его.

– Знаю, знаю, – отмахнулась она. – Слышала уже, не ты один умеешь с частотой шалить. Тоже мне, новость нашёл. Как будто неизвестно, что в прокуратуре ни одного астронавта отродясь не было.

– А в планетарной полиции был, – сказал Тур. – Макс Оливер, лейтенант.

– Почему – был? – поинтересовалась Стрелка. – И как он вообще туда попал? Разжаловали?

– Натворил что-то, – пожал плечами Тур. И подумал, что же такое должен был натворить лейтенант Оливер, чтобы его перевели в нижники.

– Так почему – был? – напомнила Стрелка.

– Смотрелся он отсюда, – ответил Тур. – На Землю улетел. Придурок.

– Так уж и придурок, – возразила Стрелка. – Просто человеку захотелось сменить место жительства. Мало ли народу каждый год перелетает туда-сюда?

Тур помолчал немного, подумал, и рассказал Стрелке о своей беседе с Мэрси Крантоном.

– Ты уже говорил, – кивнула Стрелка. – Глядя на тебя, как ты до сих пор переживаешь по этому поводу, мне приходит в голову мысль, что Крантон не так уж и неправ.

– Да ну тебя! – обиделся Тур. – Глупая ты баба... Нафига мне Земля?! Я помню, как они меня там встречали – гонору выше крыши. Ах! На Земле совершенно человеческие условия жизни! Ах! Прародина человечества! Ах! Вам здесь совершенно не понадобится гравитационный пояс! И очки тоже! И маска!.. Ну, очки и правда не понадобились, а вот без пояса меня бы там так плющило, что я бы целый день в постели валялся. Только и спасался режи-

мом отрицательной гравитации. Да и без маски я бы всё время пьяный ходил. А воздух там совсем прозрачный, аж страшно делается. Смотришь на дерево, кажется, что оно от тебя ярдах в трёхстах, а на деле – больше полутора миль. Да и деревья там какие-то карликовые и какие-то слишком уж прямые. А закат – словно фонарь выключили, раз – и темнота, почти сразу же!

– Сила тяжести, – кивнула Стрелка. – Пыль в воздухе не висит, вот потому и закат такой дебильный.

– Это точно, – согласился Тур. – И как там жить, спрашивается? В таком вот идиотском мире. Нет, если уж человек марсианин, то и жить ему обязательно надо только на Марсе!..

– А слышал про новичка? – вдруг оживилась Стрелка.

– Какого новичка? – удивился Тур.

– Ну, к нам же пополнение, – объяснила Стрелка. – Фил говорит, парень какой-то. Землянин, кстати.

– Ага, своих полицейских уже не хватает, – ворчливо ответил Тур.

– Да нет! – поморщилась Стрелка. – Он сюда переехал, с Земли, насовсем. Жить тут будет. И, вроде бы, к нам в экипаж зачислен.

– Ха! – Тур хлопнул себя ладонью по колену. – Я его как раз на Крантона и натравлю, во! Генетическая ностальгия предков по родине среды обитания, да? Ха-ха три раза!!! Я же говорил земляшкам, что у них на Земле не сладко! А мне не верили, отвечали: завидую.

– Ну, после Апокалипсиса никому особо сладко не было, – заметила Стрелка.

– Э! Когда это было-то! – отмахнулся Тур. – Жить надо настоящим или будущим. Лучше – будущим. А прошлым – это себя в могилу загонять.

– Это точно, – подтвердила Стрелка. – Прилетел давным-давно какой-то урод, перекрутил три планеты и смотался. Просто так, сука, от нечего делать. И ведь, гад какой, начал именно с нас, с Марса! Между прочим, как раз с Долины Маринера – ведь до Апокалипсиса именно тут и был, так сказать, центр цивилизации... Кстати, ты слышал что-нибудь про «Второе Пришествие»?

– Нет. А что это такое? – заинтересовался Тур – упоминание в данном контексте такого явления, как какое-то второе пришествие, его несколько насторожило.

– Да дочка рассказывала, – ответила Стрелка. – Машка моя. У них в школе пацан один всё на эту тему болтает. У него родители, то ли к вере какой-то принадлежат, то ли ещё чего. Короче, говорят они, что «Посланник Ада» вернётся. Типа добивать тех, кто уцелел.

– Шиза, – уверенно заявил Тур.

– Само собой, – подтвердила Стрелка. – Я Машке так и сказал. Объяснила всё, сказала, что это глупости.

– А она? – спросил Тур.

– Она мне поверила, – Стрелка невесело вздохнула. – Поверила и надавала тому пацану по шее, за враньё. И меня штрафанули.

– М-да... – сочувственно произнёс Тур. – Споры на религиозные темы – это такая вещь, которая всегда оканчивается дракой. Потому что каждый верит только в своего собственного бога... ну или, хотя бы, считает, что верит в единого бога, но единственный делает это исключительно правильно. Возьми, к примеру, тех же мертвяков или олимпийцев, – оживился Тур. – У них ведь вся шиза тоже на религии замешана. Одни говорят, что если, дескать, господь распорядился так, чтобы на Марсе жили исключительно в Долине Маринера, то тут и надо жить, и надо сохранять истинно земные (понимай так: истинно божественные) условия жизни. Ну, чтобы люди, созданные по образу и подобию, не менялись со временем... вот... А другие утверждают, что бог специально переселил людей на Марс, чтобы они адаптировались к местным условиям. И именно поэтому они закрыли куполом кратер Олимпа и искусственно создают там первобытные условия существования, низкое содержание кислорода, сильные ветры и так далее... идиотизм какой-то... – Тур замолчал.

– Каким, должно быть, глупым должен быть бог, чтобы иметь таких вот последователей... – задумчиво проговорила Стрелка.

– Не святотатствуй, – хмыкнул Тур. – Это у нас в полиции почти все атеисты, а в Олд-Сити и Нью-Риме – там ведь религиозных храмов до фига, и верующих тоже немало... да и атеизм, наверное, тоже определённая вера в бога – вера в его отсутствие, – глубокомысленно изрёк Тур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.